

ЧАК ПАЛАНИК

*Помощи ждать неоткуда...
Выживает сильнейший!*

18+

NEOCLASSIC

ПРИЗРАКИ

РОМАН

Чак Паланик

Призраки

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139470*

*Призраки : [роман: перевод с английского] / Чак Паланик: АСТ; Москва;
2015
ISBN 978-5-17-081955-3*

Аннотация

Невероятная, страшная и смешная история, которую каждый рассказывает по-своему.

Двадцать три «человека искусства», которые приняли заманчивое предложение на три месяца отрешиться от мирской суеты и создать шедевры – а попали в ад!

Полуразрушенный подземный готический театр, в котором нет ни электричества, ни отопления...

Еда на исходе...

Помощи ждать неоткуда...

Выживает сильнейший!

Содержание

Подопытные кролики	4
1	7
Достопримечательности	16
Кишки	19
2	34
Под прикрытием	44
Дела ножные	47
3	63
Усовершенствование продукта	72
Гримерка	75
4	91
Врачебный консилиум	100
По трущобам	103
5	127
Коммерческая тайна	142
Лебединая песня	145
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Чак Паланик

Призраки

Многое здесь было красиво, многое – безнравственно, многое – bizarre, иное наводило ужас, а часто встречалось и такое, что вызывало невольное отвращение.

Эдгар Аллан По «Маска Красной Смерти»

Подопытные кролики

Предполагалось, что это будет убежище для писателей. Предполагалось, что там нам ничто не грозит.

Уединенная писательская колония, где можно спокойно работать, под патронатом старого, умирающего человека по имени Уиттиер, но оказалось, что все не так.

Предполагалось, что мы будем писать стихи. Замечательные стихи.

Вся наша компания, его одаренные ученики.

На три месяца, под замком, вдали от повседневной рутины.

Мы называли друг друга Хваткий Сват. Или Недостающее Звено.

Или вот: Мать-Природа. Глупые ярлыки. Имена на ассо-

циях.

Точно так же – когда вы были маленькими – вы придумывали имена для растений и животных в окружающем мире. Пионы – липкие от нектара и кишачие муравьями – вы называли «муравьиным цветком». Всех колли вы называли. *Лесси*.

Да и сейчас, точно так же, вы зовете кого-то «этот мужик без ноги».

Или: «ну знаете, та черномазая...»

Мы называли друг друга:

Граф Клеветник

Или Сестра Виджиланте.¹

Имена, которые мы заслужили своими рассказами. Которые мы дали друг другу по жизни, не по родству:

Леди Бомж

Агент Краснобай

Имена, присужденные по грехам нашим, не по делам:

¹ Виджиланте – Vigilante – член «комитета бдительности», добровольной общественной организации, из тех, что создавались в Америке во второй половине XIX века, когда добропорядочные граждане объединялись для утверждения «закона и порядка». Такие комитеты брали на себя полномочия законной власти до ее установления в районах Фронттира. В более поздний период такие объединения действовали в поселках скотоводов и старателей на Дальнем Западе, где часто не было суда, тюрьмы и шерифа. В большинстве случаев разбирательство дел в комитетах напоминало суд, и по их приговору толпа избивала, порола кнутами или казнила осужденного. Нередко толпа чинила самосуд над осужденным законным судом, но скрывшимся от правосудия преступником. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Святой Без-Кишок
И Герцог Вандальский.

По нашим промахам и преступлениям. Как у супергероев, только с точностью до наоборот.

Глупые имена для настоящих людей. Вроде распорол тряпичную куклу, а внутри:

Настоящие потроха, настоящие легкие, живое сердце и кровь. Много горячей и липкой крови.

Предполагалось еще, что мы будем писать рассказы. Забавные коротенькие рассказы.

Вся наша компания, вдали от повседневной рутины – на всю весну, лето, зиму, осень – на целых три месяца, в том году.

Что мы за люди, для старого мистера Уиттиера это не важно.

Но сразу он этого не сказал.

Для мистера Уиттиера мы были подопытными животными. Для его эксперимента.

Но мы об этом не знали.

Нет, это был просто писательский семинар – пока не стало уже слишком поздно, пока у нас не осталось другого пути, кроме как быть его жертвами.

Когда автобус подъезжает к месту, где должна ждать Товарищ Злыдня, она уже стоит на углу, в армейском бронежилете – темно-оливкового цвета – мешковатых камуфляжных штанах, закатанных снизу, чтобы были видны пехотные ботинки. С каждого боку – по чемодану. В своем черном берете, натянутом до бровей, она может быть кем угодно.

– Вообще-то, по правилам... – говорит Святой Без-Кишок в микрофон у себя над рулем.

И Товарищ Злыдня говорит:

– Хорошо.

Наклоняется, отстегивает багажную бирку с одного из чемоданов. Товарищ Злыдня прячет багажную бирку в свой оливково-зеленый карман, берет второй чемодан и заходит в автобус. Оставив один чемодан на улице, брошенный, осиротевший и одинокий, Товарищ Злыдня садится на место и говорит:

– Ладно.

Она говорит:

– Ну, поехали.

Мы все оставляли записки, в то утро. Еще до рассвета. Спускались на цыпочках по темным лестницам, каждый со своим чемоданом, потом проходили крадучись по темным улицам в компании только мусорных машин. Мы уже не уви-

дели, как встало солнце.

Рядом с Товарищем Злыдней сидит Граф Клеветник. Что-то пишет в маленьком блокноте. Его взгляд мечется между нею и ручкой.

Товарищ Злыдня заглядывает в блокнот и говорит:

– Глаза у меня *зеленые*, а не *карие*, и это мой естественный цвет волос, *золотисто-каштановый*. – Она наблюдает за тем, как он пишет *зеленые*, а потом говорит: – И еще у меня татуировка на заднице, маленькая красная роза. – Ее взгляд останавливается на серебристом диктофоне, что торчит у него из нагрудного кармана, на выпуклой сеточке микрофона, и она говорит: – Не пиши *крашенные*. Женщины не красят волосы, а *подкрашивают* или *подцвечивают*.

Рядом с ними сидит мистер Уиттиер. Его дрожащие, в старческих пятнах руки вцепились в хромированный каркас инвалидной коляски. Рядом с ним – миссис Кларк, со своим необъятным бюстом, который почти что лежит у нее на коленях.

Глядя на них, Товарищ Злыдня наклоняется к серому фланелевому рукаву Графа Клеветника. Она говорит:

– Чисто декоративные, надо думать. Безо всякой питательной ценности...

Это был день, когда мы пропустили наш последний рассвет.

На следующей темной улице, где на углу стоит-ждет сестра Виджиланте, она приподнимает руку с массивными чер-

ными часами и говорит:

– Мы договаривались на 4:35. – Она стучит пальцем по циферблату. – А сейчас уже 4:39...

У Сестры Виджиланте с собой портфель из искусственной кожи, с ручкой-ремешком и защелкой на клапане, чтобы защитить Библию, что внутри. Специальная сумка, чтобы таскать с собой Слово Божье.

По всему городу, мы ждали автобуса. На углах улиц или на автобусных остановках. Ждали, пока не подъедет Святой Без-Кишок. Мистер Уиттиер сидел впереди, вместе с миссис Кларк. Граф Клеветник. Товарищ Злыдня и Сестра Виджиланте.

Святой Без-Кишок тянет рычаг, дверь открывается, и на обочине стоит маленькая Мисс Апчхи. Рукава ее свитера оттопырены снизу из-за запиханных внутрь грязных салфеток. Она поднимает свой чемодан, и он громко трещит, как попкорн в микроволновке. С каждым ее шагом по лестнице чемодан громко трещит, как далекая пулеметная очередь, и Мисс Апчхи смотрит на нас и говорит:

– Мои таблетки. – Она встряхивает чемодан и говорит: – Запас на три месяца...

Вот почему нас ограничили с багажом. Чтобы мы все уместились.

Единственное условие: по одной сумке на человека, но мистер Уиттиер не уточнил, какого размера и вида она должна быть.

Леди Бомж заходит в автобус, у нее на руке перстень с бриллиантом размером с зернышко попкорна, а в руке – ремешок. Ремешок тянет кожаный чемодан на колесиках.

Взмахнув рукой, чтобы камень искрился, Леди Бомж говорит:

– Это мой покойный супруг, кремированный и превращенный в бриллиант в три карата...

На этом месте Товарищ Злыдня наклоняется над блокнотом, в котором пишет Граф Клеветник, и говорит:

– *Подтяжка лица*, через «ж».

Еще через пару кварталов, несколько светофоров и поворотов, ждет Повар Убийца с алюминиевым чемоданом, где внутри – все его белые эластичные трусы, футболки и носки, сложенные, на манер оригами, в компактные квадратики. Плюс набор поварских ножей. Под бельем и ножами его алюминиевый чемодан плотно набит пачками денег, перехваченными резинками, все купюры – стодолларовые. Все это весит немало, так что ему пришлось поднимать чемодан в автобус обеими руками.

По очередной улице, под мостом, обогнув дальнюю сторону парка, автобус подъехал к обочине, где никто вроде бы и не ждал. Человек, которого мы окрестили Недостаяющим Звеном, выбрался из кустов рядом с дорогой. Скатанный в шар, у него в руках – черный мешок для мусора, рваный и как будто подтекающий клетчатыми фланелевыми рубашками.

Глядя на Недостающее Звено, но обращаясь к Графу Клеветнику, Товарищ Злыдня говорит:

– Ну и *бородища*, прямо Хемингуэй...

Спящий мир: они бы решили, что мы придурки. Эти люди, которые сейчас спят у себя в постелях, они будут спать еще час, потом встанут, умоются, сполоснут у себя подмышками и между ног и пойдут на ту же работу, на которую ходят каждый божий день. Живя той же жизнью, каждый божий день.

Эти люди заплачут, когда узнают, что мы ушли, но они бы заплакали и в том случае, если бы мы садились на корабль, чтобы начать новую жизнь где-нибудь за океаном. Иммигранты. Пионеры.

В это утро мы были космонавтами. Исследователями. Уже на ногах, пока все остальные спят.

Эти люди поплачут, а потом вернутся к своим делам: обслуживать столики, красить дома, писать компьютерные программы.

На следующей остановке Святой Без-Кишок открыл двери, и вверх по ступенькам взлетел кошак, и побежал по проходу между сиденьями. Вслед за котом в автобус вошла Директриса Отказ со словами:

– Его зовут Кора. – Кота звали Кора Рейнольдс. – Это не я его так назвала, – сказала Директриса Отказ, ее твидовый блейзер и юбка были покрыты, как инеем, кошачьей шерстью. Один лацкан оттопыривался на груди.

– Наплечная кобура, – говорит Товарищ Злыдня, наклонившись к диктофону в кармане у Графа Клеветника.

Все это – шепоты в темноте, оставленные записки, секретность, – это было наше приключение.

Если ты собираешься провести целых три месяца на необитаемом острове, что ты возьмешь с собой?

Скажем, едой и водой тебя обеспечат, то есть ты так считаешь.

Скажем, с собой можно взять только один чемодан, потому что вас будет много, а автобус на необитаемый остров, который вас всех повезет, все-таки не резиновый.

Что ты положишь в свой чемодан?

Святой Без-Кишок набрал коробок беконовых чипсов и сырных подушечек, его пальцы и подбородок присыпаны оранжевой соляной пылью. Одна костлявая рука держит руль, вторая подносит ко рту коробки – наклоняет их и вытряхивает закуски в его худое лицо.

Сестра Виджиланте взяла большой магазинный пакет с одеждой и еще с чем-то сверху, в другом пакете.

Перегнувшись через свой необъятный бюст, держа его, как ребенка в руках, миссис Кларк спросила, что там в пакете, уж не человеческая ли голова?

Сестра Виджиланте приоткрыла верхний пакет, чтобы были видны три дырки в черном шаре для боулинга.

– Мое хобби...

Товарищ Злыдня смотрит на Графа Клеветника, что-то

строчащего у себя в блокноте, потом переводит взгляд на заплетенные в тугую косу черные волосы Сестры Виджиланте. Ни одна прядка не выбивается из-под заколок.

– Вот *это*, – говорит Товарищ Злыдня, – *подкрашенные волосы*.

На следующей остановке стоял Агент Краснобай, держал у глаза видеокамеру и снимал автобус, как тот подъезжает к обочине. Он захватил с собой целую пачку визиток и раздал их нам в качестве подтверждения, что он – частный детектив. Он снимал нас на камеру, которая была, как маска, закрывавшая поллица, снимал, проходя по проходу к свободному месту сзади, ослепляя всех своей подсветкой.

Еще через квартал в автобус зашел Хваткий Сват, наследив лошадиным навозом со своих ковбойских сапог. С соломенной ковбойской шляпой в руках и матерчатой сумкой через плечо, он уселся на место, открыл окно и выплюнул сгусток коричневой от табака слюны прямо на вычищенный бок автобуса.

Вот что мы взяли с собой на три месяца вне мира. Агент Краснобай – свою видеокамеру. Сестра Виджиланте – шар для боулинга. Леди Бомж – перстень с бриллиантом. Вот что нам необходимо, чтобы писать свои произведения. Мисс Апчхи – ее таблетки и одноразовые носовые платки. Святому Без-Кишок – его закуски. Графу Клеветнику – блокнот и диктофон.

Повару Убийце – его ножи.

В тускло освещенном автобусе мы все украдкой поглядывали на мистера Уиттиера, организатора этого семинара. Нашего наставника. На сияющий купол его лысины в старческих пятнах, под несколькими седыми волосками, зачесанными на сторону. На стоячий воротничок его рубашки, который был как накрахмалено-белая изгородь вокруг его тощей пятнистой шеи.

— Эти люди, от которых вы собираетесь скрыться, сбежав украдкой из дома, — объяснит вам мистер Уиттиер, — они не хотят, чтобы вас просветили. Они хотят знать, чего ожидать.

Мистер Уиттиер вам все растолкует:

— Человек, которого они знают, и та великая, выдающаяся личность, какой вы стремитесь стать — для них это несовместимо. То есть абсолютно.

Люди, которые любят нас по-настоящему, сказал мистер Уиттиер, они бы упрашивали нас поехать. Чтобы сбылась наша мечта. Чтобы мы отточили свое мастерство. И когда мы вернемся, нас будут любить.

Через три месяца.

Кусочек жизни — наша ставка в игре.

Мы рискнем.

За это время мы испытаем свою способность создать шедевр. Рассказ или стихотворение, или киносценарий, или мемуары, которые придадут смысл нашей жизни. Шедевр, который выкупит нам свободу — от мужа, родителей или фирмы. Освободит нас от рабства.

Вот мы, едем в автобусе по пустынным улицам в темноте, Мисс Апчхи выуживает из рукава свитера влажную, скомканную салфетку и сморкается. Шмыгает носом и говорит:

– Когда я вот так украдкой сбегала из дома, мне было так страшно, что меня поймают. – Убирая салфетку обратно в манжету, она говорит: – Я себя чувствую... Анной Франк.

Товарищ Злыдня достает из кармана багажную бирку, напоминающую о брошенном чемодане. О ее брошенной жизни. По-прежнему глядя на бирку, которую вертит в руках, товарищ Злыдня говорит:

– А, по-моему... – Она говорит: – Анна Франк очень даже неплохо устроилась.

И Святой Без-Кишок, с полным ртом кукурузных чипсов, наблюдая за нами в зеркало заднего вида, жуя соль и жир, он говорит:

– То есть как?

Директриса Отказ гладит своего кота. Миссис Кларк гладит свой бюст. Мистер Уиттиер – свое инвалидное кресло.

Впереди, под фонарем на углу – темный силуэт еще одного будущего писателя. Ждет.

– Анне Франк хотя бы не пришлось, – говорит Товарищ Злыдня, – ездить со своей книгой по книжным турам...

И Святой Без-Кишок жмет на тормоз и подруливает к обочине.

Достопримечательности

Стихи о Святом Без-Кишок

– Вот работа, которую я забросил, чтобы попасть сюда, – говорит Святой. – И жизнь, с которой я порвал.

Он водил экскурсионный автобус.

Святой Без-Кишок на сцене, руки скрещены на груди – такой тощей, что его руки соприкасаются пальцами за спиной.

Вот стоит Святой Без-Кишок, только кости да кожа в один тонкий слой.

Ключицы выпирают над грудью, как ручки-петли для захвата.

Ребра торчат сквозь белую футболку, джинсы держатся на ремне, а не на полном заду.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма: разноцветные пятна домов и тротуаров, дорожных знаков и стоящих машин проносятся по его лицу. Маска из плотного уличного движения.

Микроавтобусы и грузовики.

Он говорит:

– Эта работа, водить экскурсионный автобус...

Сплошные японцы, немцы, корейцы, все, для кого английский – второй язык, с разговорниками, зажатыми в руках, они кивали и улыбались всему, что он говорил в микрофон, пока автобус сворачивал за углы и катился по улицам, мимо домов кинозвезд или особо кровавых убийств, домов, где рок-звезды умерли от передоза.

Каждый день – тот же маршрут, та же мантра из убийств, кинозвезд и несчастных случайностей.

Места, где подписывались мирные договоры. Где ночевали президенты.

Но однажды Святой Без-Кишок останавливается у домика типа ранчо, обнесенного штакетником: небольшое отклонение от маршрута, просто чтобы проверить, на месте ли старенький «бьюик» его родителей, ну, если они все еще здесь живут, и там по дворику ходит мужчина с газонокосилкой.

И Святой говорит в микрофон своему грузу под включенным кондиционером:

– Обратите внимание, вот святой Мел.

Его отец с подозрением косится на стену автобусных окон из тонированного стекла.

– Покровитель Стыда и Злости, – говорит Без-Кишок.

Теперь, ежедневно, в программе экскурсии: «Церковь святых Мела и Бетти».

Святая Бетти – заступница всех Прилюдно Униженных. Остановившись напротив многоквартирной высотки сест-

ры, Святой Без-Кишок тычет пальцем куда-то в район самых верхних этажей. Там наверху – храм святой Уэнди.

– Покровительницы Терапевтических Абортов.

Остановившись напротив собственного дома, он говорит в микрофон:

– А это церковь Святого Без-Кишок. – С этими хрупкими плечиками, с губами, похожими на полоски резинового жгута, в мешковатой рубашке, в зеркале заднего вида сам Святой кажется еще меньше, чем есть.

– Покровителя Мастурбации.

И весь автобус кивает и тянет шеи, каждый хочет увидеть божественное.

Кишки

Рассказ Святого Без-Кишок

Вдохните глубже.

Наберите побольше воздуха.

Эта история должна занять столько времени, на сколько вы сможете задержать дыхание, а потом еще чуточку дольше. Так что слушайте быстрее.

Один мой приятель, когда ему было тринадцать, услышал про «пеггинг». Это когда парня трахают в задницу искусственным членом. Говорят, что при достаточно жесткой стимуляции предстательной железы, можно словить совершенно взрывной оргазм в режиме «свободные руки». В тринадцать лет этот мой друг – просто маленький сексуальный маньяк. Только и думает, как бы получше спустить. Он идет в магазин – прикупить морковку и вазелин. Планирует провести небольшой интимный эксперимент. И тут он представляет, как это будет смотреться на движущейся ленте у кассы в супермаркете: одинокая морковка и баночка с вазелином. Покупатели в очереди – все смотрят. И всем сразу ясно, какие у него грандиозные планы на вечер.

И вот мой приятель покупает молоко, яйца, сахар и морковь, все ингредиенты для морковного пирога. И вазелин.

Как будто он собирается запихать себе в задницу целый

морковный пирог.

Дома он обстругивает морковку в тупой инструмент. Густо намазывает вазелином и вгоняет себе в зад. А потом — ничего. Никакого оргазма. Вообще ничего, только больно.

А потом мать зовет его ужинать, этого парня. Кричит: спускайся сейчас же.

Он кое-как вынимает морковку из задницы и прячет вонючую, скользкую дуру в ворохе грязной одежды у себя под кроватью.

После ужина он возвращается к себе в комнату, ищет морковку, но ее нет. Нет и грязной одежды: пока он ел, мать забрала все в стирку. И она не могла не заметить морковку, аккуратно обструганную ножом, все еще блестящую от вазелина и вонючую.

Этот мой друг, он несколько месяцев ждет грозы. Ждет, что предки поинтересуются, спросят. Но они так и не спрашивают. Вообще. Даже теперь, когда он уже взрослый, эта невидимая морковка нависает над каждым рождественским ужином, над каждым семейным праздником. Каждую Пасху, когда он со своими детьми, внуками его родителей, ищет пасхальные яйца, призрак той злополучной морковки реет над ними над всеми.

Та самая мерзость, у которой даже нет названия.

У французов есть поговорка: «Умный на лестнице». По-французски: *Esprit d'Escalier*. Это значит, что человек крепкок задним умом: то есть ответ он находит, но слишком

поздно. Скажем, приходишь на вечеринку, и кто-то тебя оскорбляет. Надо что-то ответить. Но под нажимом, когда все смотрят, ты выдаешь что-то совсем идиотское. Зато когда ты уходишь...

Идешь вниз по лестнице, и вдруг – словно по волшебству. Находишь те самые правильные слова, которые надо было сказать. Гениальный ответ, чтобы опустить того дятла.

Вот что такое «умный на лестнице».

Беда в том, что даже у французов нет определения тем идиотским вещам, которые ты произносишь, когда надо сказать что-то умное. Тем идиотским поступкам, которые ты совершаешь в отчаянии. Тем глупым мыслям, что лезут в голову.

Существуют поступки настолько гадкие, что их нельзя даже назвать. О них вообще не говорят.

Теперь, по прошествии времени, школьные психологи говорят, что во время последнего всплеска подростковых самоубийств, большая часть смертей приходилась на тех детишек, кто пытался слегка придушить себя, пока дрочил. Родители находили их, мертвых, с полотенцем, обернутым вокруг шеи, с полотенцем, привязанным одним концом к палке для вешалок в шкафу, в спальне. Повсюду – остывшая сперма. Понятное дело, родители прибирались. Надевали на ребенка штаны. Делали все, чтобы это смотрелось... получше. Хотя бы как что-то преднамеренное. Обычное подростковое самоубийство.

Еще один мой приятель, из школы. Его старший брат, который служил во флоте, рассказывал, что на Ближнем Востоке парни дробчат по-другому, не как у нас. Как-то они заходили в порт в какой-то «верблюжьей» стране, где на базаре продаются такие забавные штуки типа ножей для бумаг. Тонкие палочки из серебра или меди, длиной где-то с кисть руки, с пимпочкой на конце: это либо большой металлический шар, либо что-то похожее на резную рукоять меча. Этот брат, который во флоте, говорит, что арабы возбуждают себя до эрекции, а потом вводят в член эту самую металлическую штукoвину. Они дробчат с этим штырьком внутри, и ощущения, когда кончаешь, совсем другие. Лучше и ярче. Острее.

Этот брат моего школьного друга путешествует по всему миру. Он-то и шлет нам все эти французские выраженьица. Русские поговорки. Полезные дробильные советы.

И вот после этого младший брат... однажды он не приходит в школу. А вечером звонит мне и просит, чтобы я брал для него домашние задания. Ближайшие пару недель. Потому что его положили в больницу.

В палату со стариками, у которых в брюхе уже ничего не работает без медицинской помощи. Он говорит, что у них там на всех один телевизор. Все на виду. Уединиться можно лишь за занавеской. Папа с мамой к нему не приходят. Он говорит, по телефону, что теперь его предки, наверное, прибуьют его старшего братца, который во флоте.

По телефону, этот парень рассказывает, как – вчера вече-

ром – он чуток обкурился. Валялся в кровати, дома, у себя в комнате. Жег свечку, просматривал старые порножурналы – готовился обстоятельно подрочить. Уже после того, как получил то письмо от брата. С полезным советом, как дробят арабы. Парень смотрит, чего бы такого взять, чтобы тоже попробовать. Шариковая ручка – слишком толстая. Карандаш – тоже толстый и недостаточно гладкий. Но сбоку, на свечке, натек тонкий и ровный гребешок воска. Вполне подходящий. Мой друг подцепляет его ногтем и сковыривает со свечки. Катает в ладонях, чтобы тот стал еще более гладким. Длинным, гладким и тонким.

Обкуренный и возбужденный, он сует этот восковой стерженек себе в член, все глубже и глубже, в отверстие, через которое писают. Не до конца, так что сверху еще остается немалый кусок. И он начинает дробить, с этой штукой, торчащей из члена.

Даже теперь он говорит, что арабы – ребята чертовски толковые. Они заново изобрели дробило. Мой друг лежит на спине, на кровати, и ему так хорошо, что он уже не следит за воском. До того как спустить, остается один рывок, и вдруг – воск уже не торчит наружу.

Тонкий восковой стерженек, он соскользнул внутрь. Прямо туда, до конца. Глубоко-глубоко, так что парень даже не чувствует, где он там у него, в мочеиспускательном канале.

Мать кричит снизу, что пора ужинать. Говорит: сейчас же иди за стол. Эти ребята, который со свечкой и который с мор-

ковкой, они разные люди, но жизнь у всех более или менее одинаковая.

И вот после ужина у парня начинаются боли. Это воск, и он рассуждает так: воск расплавится там, внутри, и выйдет вместе с мочой. А потом начинает болеть спина. Почки. Он уже не может разогнуться.

Он звонит из больничной палаты, на заднем плане слышен звон колокольчиков, крики людей. Какая-то телеигра.

Рентген выявил правду: что-то длинное и тонкое, согнутое пополам у него в мочевом пузыре. Эта длинная тонкая V у него внутри, она собирает все минеральные вещества, содержащиеся в моче. Становится больше, грубее. Покрытая кристаллами кальция, эта штука мотается в мочевом пузыре, царапает его мягкие стенки и не дает выходить моче. Его почки засорены. То небольшое, что вытекает у него из конца, красно от крови.

Этот парень, и его предки, все семейство, они смотрят на снимок, и врач, и медсестры, все смотрят на эту здоровую белую V из воска, так что парню приходится сказать правду. Про то, как дробчат арабы. Как написал ему брат, который служит во флоте.

По телефону, прямо сейчас, он плачет.

За операцию заплатили из денег, отложенных ему на колледж. Одна дурацкая ошибка, и адвокатом ему уже никогда не бывать.

Пихать в себя что ни попадя. Соваться куда ни попадя.

Свечка в члене или голова в петле, мы знали, что это закончится очень плачевно.

Меня лично к такому концу привело то, что я называл ловлей жемчуга. Это когда ты дрочишь под водой, в бассейне в родительском доме, сидя на дне на глубине. Сделав глубокий вдох, я опускался на самое дно, снимал плавки. И сидел там, под водой, по две, три, четыре минуты.

Вот так, чтобы дрочить, я развил легкие. Когда никого не было дома, я занимался этим делом с обеда до вечера. Когда я наконец спускал, моя сперма – она расплывалась под водой большими, толстыми, молочными плюхами.

Потом я снова нырял, чтобы все это собрать. Отловить все комочки и втереть их в полотенце. Отсюда и «ловля жемчуга». Пусть даже там была хлорка, я все равно переживал за сестру. И, Господи всемогущий, за маму.

Вот чего я боялся больше всего на свете: моя девственница-сестра думает, что она просто толстеет, а потом рожает ребеночка, дебила с двумя головами. И обе его головы – прямо вылитый я. Я – и папа, и дядя.

Но в итоге тебя пришибает совсем не то, чего ты боялся. Что мне нравилось больше всего в ловле жемчуга, так это впускное отверстие фильтра бассейна и циркуляционный насос. Самый кайф: сесть на него голой жопой.

Как скажут французы: кому же не понравится, чтобы ему обсосали задницу?

И все же: вот ты просто мальчишка, затеявший подро-

чить... и вдруг, раз и все – адвокатом тебе уже не бывать.

Вот я сижу на дне бассейна, и небо волнуется – бледно-голубое сквозь восемь футов воды у меня над головой. Вокруг тихо-тихо, только в ушах шумит кровь. Мои желтые полосатые плавки обернуты вокруг шеи – для сохранности, на тот случай, если кто-нибудь из друзей, или соседей, ну или вообще кто-нибудь забежит узнать, почему я пропустил футбольную тренировку. Спускное отверстие фильтра присосалось сзади, и я трусь об него своей тощей, белой задницей для полноты ощущений.

Вот я сижу, набрав воздуха в легкие, со своим членом в руке. Предки еще на работе, сестра – в балетном кружке. Дома никого нет и не будет еще сколько-то часов.

Рука хорошо поработала: я уже готов кончить, но я оста-навливаюсь. Всплываю, чтобы набрать еще воздуха. Ныряю, усаживаюсь на дно.

Снова и снова.

Наверное, поэтому девушки любят, когда их там вылизывают и обсасывают. Это всасывающее ощущение – как буд-то садишься посрать, и процесс продолжается бесконечно. Член стоит, отверстие фильтра всосалось в задницу, мне да-же не нужно дышать. В ушах колотится пульс, я сижу под водой, пока у меня перед глазами не начинают плясать яркие искорки света. Ноги вытянуты вперед, кожа на сгибе ко-леней трется о бетонное дно, обдирается до ссадин. Пальцы на ногах уже начинают синеть, пальцы на ногах и руках – все

сморщенные оттого, что так долго пробыли в воде.

А потом я разрешаю, чтобы это свершилось. Большие белые плюхи извергаются наружу. Жемчужины.

Теперь мне нужен воздух. Я пытаюсь оттолкнуться ногами от дна, но у меня ничего не выходит. Я не могу поджать ноги. Задница присосалась намертво.

Врачи «скорой помощи» знают, что каждый год примерно 150 человек застревают вот так, в бассейне, когда их засасывает циркуляционный насос. Длинные волосы или задница попадают в струю – и ты тонешь. Ежегодно так погибает более ста человек. Большинство – во Флориде.

Просто об этом не говорят. Даже французы говорят далеко не обо ВСЕМ.

Я приподнимаю одно колено, поджимаю под себя ногу, приподнимаюсь в полустоячее положение и чувствую, как что-то дергает меня за задницу. Поджимаю под себя другую ногу, отталкиваюсь от дна. Бью ногами по воде, уже не касаясь дна, но и не выныриваю на поверхность.

Бью по воде ногами и руками, я уже на полпути к поверхности, но выше – никак. Шум крови в ушах становится громче, пульс – чаще.

В глазах рассыпаются яркие искры, я оборачиваюсь и вижу... что еще за ерунда. Толстенная веревка, что-то вроде змеи, синевато-белая и оплетенная венами вытянулась из сливного отверстия и держит меня за задницу. Некоторые из вен подтекают кровью, красной кровью, которая под водой

кажется черной, она сочится из мелких разрывов на бледной коже этой змеюки. Кровь расплывается тонкими струйками, растворяясь в воде, а внутри у змеи, под этой тоненькой, синевато-белой кожей, видны комочки какой-то полупереваренной еды.

Вот единственное разумное объяснение. Какое-то жуткое морское чудовище, морской змей, тварь, которая никогда не видела света солнца, пряталась в темных глубинах сливного отверстия и поджидала меня, чтобы съесть.

Короче... пинаю ее ногой, по ее скользкой, резиновой, узловатой коже и венам, и она вроде как еще больше высовывается из слива. Теперь она уже длиной с мою ногу, но держит по-прежнему крепко, прямо за дырку в заднице. Еще пинок – и я на дюйм ближе к тому, чтобы сделать вдох. Я все еще чувствую, как змея тянет меня за задницу, но я на дюйм ближе к спасению.

Комки у змеюки внутри – видно, что это арахис и кукуруза. Виден какой-то вытянутый шарик, ярко-оранжевый. Похоже на те витамины, которые отец заставляет меня принимать лошадиными дозами, чтобы я набирал вес. Чтобы заниматься в футбольной секции. С дополнительным содержанием железа и жирных кислот Омега-3.

Я вижу эту таблетку, и это спасает мне жизнь.

Это не змея. Это моя толстая кишка, моя собственная кишка, которую вытянуло из меня. Врачи называют это выпадением, пролапсом. Это мои кишки, которые засосало в

сливное отверстие.

Врачи «скорой помощи» знают, что циркуляционный насос в бассейне прокачивает за минуту 80 галлонов воды. В пересчете на силу давления – это примерно 400 фунтов. Проблема в том, что наши внутренности все связаны. Задница – это просто дальняя оконечность рта. Если я ничего не сделаю, насос так и будет работать – вытягивая из меня кишки, – пока не доберется до языка. Представьте себе: вы садитесь поспать, и из вас вываливается какашка весом 400 фунтов, – и вы поймете, что это такое, когда тебя выворачивает наизнанку.

Могу сказать, что кишкам не особенно больно. Не так, как бывает коже. Переваренная пища, врачи называют это фекальными массами. А выше – химус, жидкая кашица, утыканная кукурузными зернами, арахисом и зеленым горошком.

И весь этот супчик из крови и кукурузы, говна и спермы расплывается вокруг меня. Но даже при том, что из меня вываливаются кишки, прямо из задницы, и мне так хочется сохранить то небольшое, что осталось, при всем при этом моя первоочередная задача – как бы натянуть плавки.

Не дай бог, папа с мамой увидят мой член.

Одной рукой я сжимаю кишку у задницы, другой хватаю свои желтые полосатые плавки и стягиваю их с шеи. Только их все равно не надеть.

Если хотите узнать, каковы ваши кишки на ощупь, купите

пачку естественных презервативов из кожи, которые делают из слепой кишки ягнят. Достаньте один, разверните. Набейте его арахисовым маслом. Намажьте вазелином и подержите под водой. Потом попробуйте его разорвать. Растянуть так, чтобы он порвался. Он слишком плотный, резиновый. И такой скользкий, что его просто нельзя ухватить.

Естественные презервативы из кожи – это те же кишки.

Теперь вам понятно, как я попал.

На секунду отпустишь, и тебя выпотрошит.

Рванешься к поверхности, чтобы вдохнуть, и тебя выпотрошит.

Не рванешься к поверхности, и ты утонешь.

Вот такой выбор: умереть прямо сейчас или минутой позже.

Вот что увидят родители, когда вернутся с работы: большой голый зародыш, свернувшийся в клубочек. Качающийся в мутной воде, в их бассейне на заднем дворе. Прикрепленный ко дну толстой веревкой из вен и скрученных кишок. Прямая противоположность ребенку, который случайно повесился, пока дрочил. Тот самый малыш, которого они привезли из роддома тринадцать лет назад. Тот самый ребенок, который, как они очень надеялись, станет звездой школьной футбольной команды и получит степень магистра делового администрирования. И будет заботиться о них в старости. Вот они, все их мечты и надежды. В мутной воде, голые и мертвые. В окружении молочных жемчужин растроченной

спермы.

Либо так, либо предки найдут меня где-нибудь на полдороге от бассейна к телефону на кухне, завернутого в окровавленное полотенце, с обрывком кишок, свисающим из штанины моих желтых в полоску плавок.

То, о чем не стали бы говорить даже французы.

Тот старший брат моего школьного друга, тот, который служил во флоте, научил нас еще одной замечательной поговорке. Русской. В том же смысле, в каком мы говорим: «Мне это надо, как дырку в башке...», – русские говорят: «Мне это надо, как зубы в заднице...»

Mnye etoh nadoh kahk zoobee v zadnetze.

Все эти истории о том, как животные перегрызают себе лапу, чтобы выбраться из капкана... любой койот знает, что пара укусов – это спасение от верной смерти.

Черт... даже если ты русский, иногда эти самые зубы могут прийти очень кстати.

В противном случае приходится делать вот что: оборачиваешься назад. Просовываешь локоть под колено и подтягиваешь эту ногу к лицу. Грызешь и кусаешь собственную задницу. Тебе уже не хватает воздуха, и ты разгрызешь что угодно, лишь бы вдохнуть еще раз.

Это не то, о чем стоит рассказывать девушке на первом свидании. Если рассчитываешь поцеловать ее на прощание – лучше не надо.

Если я расскажу, как это было на вкус, вы никогда больше

не будете есть кальмаров.

Сложно сказать, что родителям было противнее: как я вляпался в это дело или как спасся. После больницы мама сказала:

– Ты сам не знал, что творишь, солнышко. Ты был в шоке.

И она научилась варить яйца-пашот.

Все эти люди, которым противно или которым меня жалко...

Мне это надо, как зубы в заднице.

Теперь мне все говорят, что я слишком худой. Хозяева в доме, где званный обед, как-то вдруг затихают и обижаются, что я не ем их тушеное мясо. Тушеное мясо меня убивает. Запеченный окорок. Все, что задерживается в кишечнике больше, чем на пару часов, выходит такой же едой. Лимская фасоль «по-домашнему» или кусочки тунца – я встаю с унитаза, и вот они, плавают там в толчке.

После радикальной резекции кишечника процесс пищеварения проходит не так хорошо, как надо. У вас длина толстой кишки – пять футов. А мне еще повезло, что у меня есть хотя бы шесть дюймов. Так что я так и не стал звездой школьной футбольной команды. И не получил степень магистра делового администрирования. Эти мои друзья – и тот, который со свечкой, и тот, который с морковкой, – они выросли, стали большими, а я с тринадцати лет не набрал больше ни фунта.

Была еще одна очень большая проблема: родители запла-

тили за этот бассейн немалые деньги. В итоге папа сказал тому парню, который чистил бассейн, что это собака. Наша собака свалилась в бассейн и утонула. Даже когда этот парень открыл заглушку на фильтре и выудил резиновую трубку, моток бледных кишок с большой оранжевой витаминкой внутри, отец все равно сказал:

– Этот пес был какой-то придурочный.

Даже из моей комнаты наверху было слышно, как отец говорит:

– Нельзя было оставить его без присмотра ни на секунду...

А потом у сестры случилась задержка.

Даже после того, как в бассейне сменили всю воду, как предки продали дом, и мы переехали в другой штат, после того, как сестрица сделала аборт, даже тогда папа с мамой больше ни разу не упоминали об этом.

Ни разу.

Это наша невидимая морковка.

А теперь можете и вдохнуть, полной грудью.

Я до сих пор не могу.

Под следующим фонарем стоит Преподобный Безбожник, рядом с ним – квадратный чемодан. Утро по-прежнему раннее, так что из всех цветов есть только черный и серый. И вот черная ткань чемодана покрыта серебристыми шрамами «молний», разбегающимися во всех направлениях: черный швейцарский сыр из многочисленных отделений, кармашков и прорезей. Преподобный Безбожник с лицом, как кусок мяса – сырое красное мясо вокруг носа и глаз, бифштекс из кусочков, сшитых нитками и рубцами, – и распухшими, покоробившимися ушами. Брови сбриты. И нарисованы заново черным карандашом: две удивленные дуги поднимаются чуть ли не до самых волос.

Наблюдая за тем, как он заходит в автобус, Товарищ Злыдня расстегивает пуговицу у себя на жилете. Застегивая пуговицу, она наклоняется к диктофону, торчащему из кармана Графа Клеветника.

Товарищ Злыдня говорит в маленький красненький огонечек ЗАПИСЬ: на Преподобном Безбожнике – белая блузка. Женская блузка. С застежкой налево.

Его пуговицы из горного хрусталя искрятся в тусклом свете фонарей.

Чуть дальше по улице, за следующим поворотом, под фонарем, в сумраке за пределами круга света, ждет Обморо-

женная Баронесса.

Сперва в открытых дверях автобуса появляется ее рука, вполне нормальная рука, с пальцами, желтыми от никотина. Без обручального кольца. Рука ставит на верхнюю ступеньку пластиковый чемоданчик для косметики. Потом появляется колено, выпуклость груди. Пояс на талии, плащ. А потом все отводят глаза.

Мы смотрим на часы. Или – в окна, на припаркованные машины и газетные киоски. На пожарные гидранты.

Она набрала гигиенической помады, сказала Обмороженная Баронесса, чтобы смягчать уголки губ. Потому что на холоде они трескаются и кровоточат. Ее рот – просто дыра жирного блеска, которая раскрывается и смыкается, когда она говорит. Ее рот – просто складка, обозначенная розовой помадой, на нижней половине лица.

Навалившись на Графа Клеветника, Товарищ Злыдня шепчет в его диктофон:

– О Господи...

Когда Обмороженная Баронесса садится на место, на нее смотрит только Агент Краснобай, из безопасного укрытия за объективом камеры.

На следующей остановке ждет Мисс Америка со своим тренажером-колесом, розовым пластиковым колесом размером с обеденную тарелку, с черными резиновыми ручками, торчащими из оси с двух сторон. Берешься за ручки, встаешь на колени. Наклоняешься, удерживая колесо в прямом

положении, и катишь его вперед. Потом – назад. И так и катаешь вперед-назад. Укрепляет мышцы живота. Мисс Америка взяла с собой тренажер, розовые лосины, краску для волос «медовый блондин» и тест на беременность.

Проходя по проходу в центре – улыбаясь мистеру Уиттиеру с его инвалидной коляской, не улыбаясь Недостояющему Звену – при каждом шаге Мисс Америка ставит одну стопу прямо впереди другой, по прямой линии, так что ее бедра кажутся тоньше, а та нога, которая впереди, всегда закрывает ту, которая сзади.

«Шаткий шаг манекенщицы», как называет это Товарищ Злыдня. Она наклоняется над блокнотом Графа Клеветника и говорит:

– У женщин это называется: *чуть обесцветить волосы*.

Мисс Америка написала помадой на зеркале в ванной, для своего бойфренда, в номере мотеля, чтобы он прочитал до своего появления в утреннем телеэфире: «Я *не* толстая».

Мы все оставили какую-нибудь записку.

Директриса Отказ, глядя кота, сказала нам, что написала записки всему своему агентству: «Найди себе что-то свое, чтобы его отыметь». Эти записки она разложила на каждом столе, вчера вечером, чтобы сотрудники фирмы нашли их сегодня с утра.

Даже Мисс Апчхи написала записку, хотя у нее нет никого, кто бы ее прочитал. Красной краской из баллончика, на скамейке у автобусной остановки, она написала: «Позвоните

мне, если найдете лекарство».

Хваткий Сват сложил свою записку вдвое и поставил на кухонный стол, чтобы жена непременно заметила. В записке сказано: «Я отболел этой простудой уже три с половиной месяца назад, а ты до сих пор ни разу меня не поцеловала». Он написал: «Этим летом ты доишь коров».

Графиня Предвидящая оставила записку офицеру полиции, надзирающему за условно-досрочно освобожденными, что с ней можно связаться по телефону 1-800-ОТЪЕ-БИСЬ.

Завернутая в кружевную шаль, с чалмой на голове, Графиня Предвидящая выходит из сумрака. Плывая по проходу, она на мгновение останавливается рядом с Товарищем Злыдней.

– Поскольку вам любопытно, – говорит графиня и вяло покачивает рукой с пластмассовым браслетом, болтающимся на запястье. Она говорит: – Это датчик системы глобального спутникового слежения. Условие моего досрочного освобождения...

Один, два, три шага мимо Товарища с Графом, которые так и сидят с малость отвисшими челюстями, Графиня Предвидящая говорит, не оглядываясь:

– Да.

Она прикасается к своей чалме и говорит:

– Да, я прочла ваши мысли...

За следующим поворотом, мимо очередного торгового центра, очередного мотеля, за очередной закуской, Мать-

Природа сидит на бордюре в безупречной позе лотоса, ее руки, лежащие на коленях, разрисованы выющимися узорами темной хны. На шее позвякивает ожерелье из медных храмовых колокольчиков.

Мать-Природа заносит в автобус картонную коробку. В коробке – пузырьки с ароматическими маслами, завернутые для сохранности в одежду. Свечи. Коробка пахнет сосновыми иглами. Костром и сосновой смолой. Салатной заправкой с базиликом и кориандром. Сандалом. Длинная бахрома украшает подол ее сари.

Товарищ Злыдня закатывает глаза, так что видны только белки, и обмахивается своим черным фетровым беретом. Говорит:

– Пачули...

В нашей писательской колонии, на нашем необитаемом острове, будет кондиционер и центральное отопление, во всяком случае, нам так говорили. Каждому предоставят отдельную комнату. Будет где уединиться, так что не надо брать много одежды. То есть так нам сказали.

У нас нет причин ждать чего-то другого.

Нанятый автобус потом найдется, а мы – нет. На целых три месяца мы выпадаем из мира. Эти три месяца мы посвятим написанию и чтению своих работ. Будем оттачивать наши рассказы, чтобы довести их до совершенства.

Самым последним, еще через квартал и тоннель, мы подбираем Герцога Вандальского. Его пальцы – все в разноцвет-

ных разводах от пастельных мелков и угольных карандашей. Его руки – в пятнах чернил для ткани. Одежда сделалась жесткой от высохшей краски. Все эти цвета – по-прежнему только серый и черный. Герцог Вандальский сидит-ждет автобуса на металлическом ящике для инструментов, набитом тюбиками масляной краски, кисточками, акварелью и акрилом.

Он поднимается, и мы все ждем, пока он не откинёт со лба свои светлые волосы и не завяжет их в хвост красной банданой. По-прежнему стоя в дверях автобуса, Герцог Вандальский смотрит на всех и говорит под пристальным объективом видеокамеры Агента Краснобая:

– Ну, наконец-то...

Нет, мы не идиоты. Мы бы в жизни не согласились, чтобы нас отрезали от мира, если бы знали, что нас и вправду отрежут. Этот глупый, посредственный, бледненький мир еще не прискучил нам так, чтобы мы сами подписались на смерть. Кто угодно, но только не мы.

Всякое в жизни бывает, и мы, понятное дело, рассчитывали, что всегда сможем вызвать «скорую»: если кто-то вдруг свалится с лестницы, или чей-то аппендикс решит разорваться.

Так что нам нужно было решить только одно: что взять с собой из вещей.

Предполагалось, что на этом писательском семинаре будет водопровод с горячей и холодной водой. Мыло. Туалет-

ная бумага. «Тампаксы». Зубная паста.

Герцог Вандальский оставил записку своему домовладельцу: «На хуй ваш договор об аренде».

Гораздо важнее: чего мы не взяли. Герцог Вандальский не взял сигареты, его рот постоянно в движении – он жуёт никотиновую жвачку. Святой Без-Кишок не взял порнографию. Графиня Предвидящая с Хватким Сватом – свои обручальные кольца.

Как сказал бы мистер Уиттиер:

– То, что мешает вам во внешнем мире, будет мешать вам и здесь.

Все остальное – не наша вина. Ну, что все обернулось так плохо. С чего бы кому-то из нас пришло в голову взять с собой бензопилу. Или кувалду, или палочку динамита. Или пистолет.

Нет, на этом необитаемом острове, мы будем в полной безопасности.

Еще до рассвета, еще до начала нового дня, который мы даже и не увидим.

Так нам сказали, и мы поверили. Может быть, слишком поспешно.

И поэтому мы не взяли с собой ничего, что могло бы нас спасти.

Еще один поворот, по скоростной магистрали, по наклонному съезду, пока мистер Уиттиер не сказал:

– Поверни здесь.

Держась за хромированный каркас своего инвалидного кресла, он указал пальцем, похожим на кусок вяленого мяса. Кожа вся сморщенная, скукоженная, ноготь – желтый, как кость.

Товарищ Злыдня шмыгнула носом, прикрыла его рукой и сказала:

– И что, мне все три месяца так и придется вдыхать эту вонь от пачулей?

Мисс Апчхи кашлянула в кулак.

Святой Без-Кишок свернул на узкую, темную аллею. Дома подступали к дороге так близко, что коричневая слюна Хваткого Свата отскакивала от стен, табачные брызги покрыли весь перед его комбинезона, похожего на детские ползунки. Так близко, что стены сдирали кожу с волосатого локтя Недостающего Звена, которым тот опирался о подоконник у открытого окна.

А потом автобус останавливается, двери открываются, и там, снаружи – еще одна дверь. Стальная дверь в бетонной стене. Улочка такая узкая, что вообще не видать, что там спереди и сзади. Миссис Кларк поднимается с места, спускается по ступенькам и открывает висячий замок.

Потом она заходит внутрь, и двери автобуса смотрят в проем из сплошного ничто. Одна чернота. Проем очень узкий, но протиснуться можно. Изнутри вырывается едкий запах мышиной мочи. К нему примешивается еще один запах, какой бывает, когда открываешь старую, отсыревшую книгу,

наполовину изъеденную чешуйницей. И еще – запах пыли.

И оттуда, из темноты, голос миссис Кларк говорит:

– Заходите. Быстрее.

Святой Без-Кишок присоединится к нам позже, когда отгонит автобус куда-нибудь, где его потом обнаружит полиция.

Так, чтобы замести следы. За несколько кварталов или, может быть, миль отсюда. Где его потом найдут, но не смогут проследить его путь обратно до этой стальной двери в бетоне и темноте. До нашего нового дома. Нашего необитаемого острова.

Все мы сгруппировались в этот миг между автобусом и крошечной тьмой. В этот последний миг снаружи Агент Краснобай говорит нам:

– Улыбочку.

Мистер Уиттиер назвал бы это камерой, скрытой за камерой, скрытой за камерой.

В этот первый миг нашей новой тайной жизни луч прожектора бьет прямо в нас, такой быстрый и яркий, что после него остается одна темнота – чернота, что чернее самой черноты. В этот миг мы хватаем друг друга за локти и за рукава, чтобы удержаться на ногах, моргаем, ослепленные, но доверчивые, пока голос миссис Кларк ведет нас сквозь этот стальной проем.

Это мгновение на видео: правда о правде.

– Запах – это очень важно, – говорит Мать-Природа. Во-

лоча за собой картонную коробку, под звон колокольчиков на ожерелье, хватаясь за темноту, она говорит: – Только не смейтесь, но в ароматерапии нельзя зажигать сандаловые свечи вместе с маслом восковницы...

Под прикрытием

Стихи о Матери-Природе

– Я пыталась уйти в монастырь, – говорит Мать-Природа. – Мне надо было исчезнуть.

Она не учла тест на наркотики.

Мать-Природа на сцене. Ее руки обвиты сетью запутанных линий из красной хны – от кончиков пальцев до бретелек холщовой сорочки всех цветов радуги.

Ожерелье из медных храмовых колокольчиков окрасило кожу на шее в зеленый цвет. Ее кожа лоснится от масла пачули.

– Кто же знал? – говорит Мать-Природа. – И там не только анализ мочи.

Она говорит:

– Они берут образцы волос и ногтей.

Она говорит:

– И вообще проверяют по всем статьям.

Моральные принципы. Биография. Банковский счет. Предпочтения в стиле одежды.

Мать-Природа стоит на сцене, босая, на лице – ни печали, ни радости, вместо луча прожектора – фрагменты из филь-

ма: ночное звездное небо.

Галактика из сияющих лун.

Ее губы подкрашены свекольным соком. Веки густо намазаны желтой шафрановой пудрой.

Лицо – подвижная маска розовых туманностей. Кольца медленно кружат вокруг планет, испещренных дырами кра-
теров.

Мать-Природа говорит:

– Им нужны бесконечные письменные рекомендации.

И еще – тест на детекторе лжи. И четыре удостоверения личности.

– Четыре, и с фотографиями, – говорит Мать-Природа и приподнимает руку в узорах хны.

Ее браслеты из медной проволоки и потускневшего серебра мелодично позвякивают на запястье, как колокольчики «поющего ветра».

Она говорит:

– Ни у кого не бывает четырех *удостоверенийсфото*.

Чтобы попасть в монастырь, говорит она, надо сдать вступительный экзамен.

Один, но хуже общеобразовательного и специального вместе взятых.

Со всякими заковырыстыми вопросами типа:

«Сколько ангелов помещается на головке булавки?» И все это, говорит Мать-Природа, исключительно для того, чтобы

выяснить:

«Не решила ли ты стать невестой Христовой из-за несчастной любви».

Пряди ее длинных волос аккуратно забраны назад и заплетены в косу.

Мать-Природа говорит:

– Разумеется, я не прошла. И не только тест на наркотики – я все завалила, что можно.

И не только монастырский экзамен, а почти всю свою жизнь...

Она пожимает плечами в веснушках, под бретельками пестрой сорочки.

– Так что, вот.

Созвездия плывут у нее на лице, и Мать-Природа говорит:

– Мне все еще надо где-то укрыться.

Дела ножные

Рассказ Матери-Природы

Нет, вы не смейтесь, но на курсах ароматерапии вас специально предупреждают, что нельзя зажигать свечу с ароматом лимона и корицы одновременно с гвоздичной свечой и свечой с ароматом кедрового масла и мускатного ореха. Только не говорят почему...

Специалисты фэн-шуй об этом не распространяются, но чтобы убить человека, достаточно просто поставить кровать не в то место, и концентрация энергии чи будет смертельной. Только с помощью акупунктуры можно вызвать аборт на поздних сроках. Работой с кристаллами или аурой можно вызвать у человека рак кожи.

Только не смейтесь, но любой элемент нью-эйджа можно так или иначе превратить в оружие убийства.

В последнюю неделю курсов массажа вам объясняют, что на пятке есть зона перекрестных рефлексов, которую ни в коем случае нельзя массировать. Нельзя массировать также свод левой стопы. И особенно – внешнюю левую сторону. Но не говорят почему. В этом и состоит разница между «светлым» и «темным» аспектом массажного дела.

Ты поступаешь на курсы рефлексологии. Это наука о стимуляции точек на стопе, посредством которой можно лечить

болезни и обеспечивать правильную работу определенных органов. В основе рефлексологии лежит идея, что человеческое тело делится на десять энергетических меридианов. Например, большой палец ноги напрямую связан с головой. Чтобы вылечить перхоть, нужно массировать точку сразу за ногтем на большом пальце ноги. Если болит горло, надо массировать средний сустав большого пальца. В услуги по медицинской страховке все это не входит. Рефлексолог – это вроде как врач, только без заработка. Люди, которые хотят, чтобы для излечения рака мозга им растирали места между пальцами – обычно у них не бывает денег. Только не смейтесь, но даже если ты – специалист с многолетним стажем, ты все равно зарабатываешь гроши и занимаешься тем, что трешь ноги людям, для которых иметь много денег – не самое главное в жизни.

Не смейтесь, но вот однажды идешь по улице и встречаешь девчонку, с которой вы вместе ходили на курсы массажа. Эта девчонка, вы с ней ровесницы. Вы обе носили на шее бусы из определенных камней. Плели косички из сухого шалфея и жгли их, чтобы очистить свои энергетические поля. Вы заплетали волосы в косы, ходили босыми и были достаточно юными, чтобы считать, что вы занимаетесь благородным делом, растирая грязные ноги бомжей на практических занятиях в бесплатной клинике.

Это было давным-давно.

Ты по-прежнему бедная. У тебя уже волосы выпадают. То

ли от плохого питания, то ли под действием силы тяжести, но людям кажется, будто ты хмуришься, даже когда ты не хмуришься.

А эта девчонка, с которой вы вместе ходили на курсы, она выходит из шикарной гостиницы, и швейцар держит ей дверь. Она вся в каких-то невозможных мехах и на высоченных шпильках, которые не наденет ни один рефлексолог.

Пока швейцар ловит для нее такси, ты подходишь к ней и говоришь:

– Лентил?

Женщина оборачивается, и да – это она. На шее сверкают бриллианты, настоящие бриллианты. Длинные волосы отливают блеском, густые роскошные волосы, волны рыжего и каштанового. От нее вкусно пахнет: лилиями и розами. У нее совершенно потрясная шуба. На руках – кожаные перчатки. Такие гладкие, ровные – лучше, чем кожа у тебя на лице. Женщина оборачивается и сдвигает на лоб свои темные очки. Она смотрит на тебя в упор и говорит:

– Я вас знаю?

Вы вместе ходили на курсы массажа. Когда были молодыми... моложе.

Швейцар придерживает открытую дверцу такси.

И женщина говорит: ну конечно, она тебя помнит. Она смотрит на часы у себя на руке, искрящиеся бриллиантовой россыпью, и говорит, что через двадцать минут ей надо быть на другом конце города. Она спрашивает у тебя: может, по-

едем со мной?

Вы садитесь в такси, на заднее сиденье, и женщина дает швейцару двадцатку. Он берет под козырек и говорит, что всегда рад ее видеть.

Женщина называет таксисту адрес, какое-то место в престижном районе, и мы отъезжаем.

Только не смейтесь, но эта женщина – Лентил, твоя старая подруга, – она снимает с руки свою сумочку, с мехового пушистого рукава, открывает ее, и внутри лежат деньги. Сумочка буквально набита деньгами. Банкнотами по пятьдесят и сто долларов. Затянутой в перчатку рукой она роется в сумочке, в этом богатстве, и достает сотовый телефон.

Тебе она говорит:

– Это буквально на полминуты.

Рядом с ней твоя хлопчатобумажная индийская юбка, пластиковые сандалии и ожерелье из медных колокольчиков выглядят уже не шикарно и не этнически. Ты, со своими глазами, густо подведенными тушью, и поблекшими узорами, нарисованными хной на руках – как будто ты никогда в жизни не мылась. Рядом с ее бриллиантовыми сережками-гвоздиками, твои любимые серебряные «висюльки» похожи на елочные украшения из магазина подержанных товаров.

Она говорит в трубку:

– Я уже еду. – Она говорит: – В три часа не могу, вернее, могу, но только на полчаса. – Она говорит: – пока. – И отключается.

Она прикасается к твоей руке мягкой, гладкой перчаткой и говорит, что ты очень даже неплохо выглядишь. Интересуется, чем ты теперь занимаешься.

Да тем же самым. Массажем ног. При неплохом, кстати, списке постоянных клиентов.

Лентил закусывает губу, смотрит на тебя и говорит:

– То есть ты по-прежнему в рефлексологии?

И ты говоришь: ага. Старость, конечно, не обеспечишь, но на жизнь хватает.

Целый квартал она смотрит на тебя, не говоря ни слова. Потом спрашивает, какие у тебя планы на ближайший час. Говорит, что если ты свободна и хочешь заработать хорошие деньги, наличкой, можно устроить массаж в четыре руки ее следующему клиенту. Одну ногу – ей, одну ногу – тебе.

Ты говоришь, что ни разу не делала рефлексологию с кем-то на пару.

– Всего час работы, – говорит она, – и нам платят две тысячи долларов.

Ты: а это легально?

И Лентил говорит:

– Две тысячи. Каждой.

Ты: просто за массаж ног?

– И вот еще что, – говорит она. – Не называй меня Лентил. – Она говорит: – Там, куда мы едем, меня зовут Анжелика.

Только не смейтесь, но это правда. Темная сторона ре-

флексологии. Конечно, мы кое-что знали. Мы знали, как вызвать у человека запор, воздействуя на подошвенную сторону большого пальца. Или как вызвать понос, массируя лодыжку ближе к стопе. Воздействие на внутреннюю поверхность пятки делает мужчину импотентом, также оно вызывает мигрени, только на всем этом денег не сделаешь, так что зачем забивать себе голову?

Такси подъезжает к нагромождению резных камней, по-сольству какой-то нефтяной державы с Ближнего Востока. Охранник в форменной куртке открывает дверцу, и Лентил выходит из машины. Ты тоже выходишь. Другой охранник, в фойе, проверяет вас металлодетектором: ищет ножи, пистолеты, чего там еще. Третий охранник – тот, который сидит за столом со столешницей из гладкого белого камня, – звонит кому-то по телефону. Четвертый заглядывает к Лентил в сумочку, разгребает бумажные деньги, но кроме них в сумочке нет ничего.

Открывается дверь лифта, и еще один охранник машет вам: заходите. Лентил говорит:

– Просто делай, как я. – Она говорит: – Вот увидишь: такого у тебя еще не было, чтобы так легко заработать деньги.

Только не смейтесь, но там, на курсах массажа, ходили слухи. Как сманить на «темную сторону» хорошего рефлексолога. Чтобы работать с определенными точками удовольствия на подошве стопы. Давать людям то, о чем они только шепчутся. То, что они называют, хихикая, «заделать ноги».

Лифт открывается. Длинный пустой коридор. В самом конце – двойная дверь. Других дверей нет. Стены отделаны полированным белым камнем. Пол тоже каменный. Двойная дверь из матового стекла открывается в комнату, где за белым столом сидит человек. Они с Лентил целуются в щечку.

Человек за столом: он смотрит на тебя, но разговаривает только с Лентил. Называет ее Анжеликой. У него за спиной – очередная двойная дверь. В спальню. Человек делает вам двоим знак, чтобы вы проходили туда. Но сам не заходит. Он запирает дверь. Запирает вас внутри.

В спальне, на огромной круглой кровати, застеленной белым шелком, лежит человек. Лежит на животе. На нем шелковая пижама – блестящий синий шелк. Босые ноги свешиваются с края кровати. Анжелика снимает перчатку. Она снимает вторую перчатку. Вы обе опускаетесь на колени на мягкий ковер, и каждая берет по ноге.

Вместо лица вам виден только затылок, черные волосы, густо намазанные гелем, и здоровенные уши, из которых торчат пуки черных волос. Все остальное утонуло в белой шелковой подушке.

Только не смейтесь, но это не просто слухи. Анжелика надавливает на пятку с подошвенной стороны, где располагается зона генитальной рефлексии, и мужчина в пижаме стонет, уткнувшись лицом в подушку. У тебя еще руки толком не устали, а мужик уже глухо рычит, весь в поту, его шелковая пижама прилипла к спине и ногам. Когда он умолкает,

даже трудно понять, дышит он или нет. Анжелика шепчет, что пора на выход.

Мужчина за белым столом дает вам по две штуки долларов. Каждой. Наличными.

Охранник на улице ловит Анжелике такси.

Садясь в такси, Анжелика сует тебе в руки визитную карточку. На ней – телефон какой-то комплексно-оздоровительной клиники. Снизу приписано от руки: «Спросить Ленни».

Мягкая кожа ее перчаток, ее духи с запахом роз, звук ее голоса, все говорит: «Обязательно позвони мне».

Есть много причин, почему люди уходят в «заделку ног». Лишние деньги – они никогда не лишние. Хочется как-то порадовать папу с мамой, обеспечить им старость. Купить им машину. Или квартиру у моря, где-нибудь во Флориде.

День, когда ты вручила им ключ от этой квартиры, – это был самый счастливый день в твоей жизни. В тот день они оба расплакались и признались, что никогда и не думали, что их дочь сможет так хорошо зарабатывать, растирая чужие вонючие ноги.

За этот день тебе придется расплачиваться всю оставшуюся жизнь.

Только не смейтесь, но это вполне легально. Ты просто делаешь массаж ног. Никакого интима не происходит, но клиент получает оргазм, так что потом пару дней лежит в лежку, не в силах ходить. Мужчина, женщина – это не важно. Ты обрабатываешь определенные точки у них на ногах, и они

кончают, как будто в припадке. Так что потом надо проветривать комнату, потому что у них происходит непроизвольное опорожнение кишечника. Так, что они только смотрят на тебя, пуская слюни, и тычут дрожащим пальцем в пачку стодолларовых банкнот на тумбочке у кровати или на журнальном столике, чтобы ты их взяла.

Ленни звонит из клиники, и ты летишь в Лондон на самолете, который прислали специально за тобой. Тебе звонят из клиники, и ты мчишься в Гонконг. Клиника – это, собственно, только Ленни, парень с русским акцентом, который живет в многокомнатном номере в отеле «Парк Хэмптон» и которому ты отдаешь половину выручки. Голос с русским акцентом говорит тебе по телефону, каким рейсом лететь и куда, в каком отеле или на каком частном острове тебя ждет следующий клиент.

Только не смейтесь, но у тебя совершенно нет времени бегать по магазинам и тратить деньги. Деньги просто накапливаются. Твоя форменная одежда – дорогая шуба. Чтобы соответствовать этому новому миру, нужно носить золотые и платиновые украшения. Следить за собой. Чтобы волосы всегда были чистыми и блестящими. Иной раз в холле «Ритц Карлтон» ты встречаешь ребят и девчонок, с которыми вы вместе ходили на курсы рефлексологии. Теперь они носят костюмы от Армани и коктейльные платья от Шанель. Бывшие строгие вегетарианцы, которые ездили только на велосипедах, теперь разъезжают на лимузинах. Обедают-ужина-

ют в одиночестве за маленькими столиками в ресторанах при дорогих отелях. Пьют коктейли в барах в частных аэропортах в ожидании следующего специально зафрахтованного самолета.

Бывшие мечтатели-идеалисты, соблазнившиеся профессиональной «заделкой ног».

Эти девчонки с хипповскими дредами, воплощения Матери-Природы, эти мальчишки-неформалы с тонкими эспаньолами, теперь они говорят по мобилам со своими биржевыми маклерами, распоряжаясь, что покупать, что продавать. Хранят деньги на оффшорных счетах и в депозитных сейфах швейцарских банков. Скупают неграненые бриллианты и крюгерранды.

Мальчишки, которых когда-то звали Форель, Пони, Ящерка или Устрица, теперь они все стали Дирками. Девочки, бывшие Лютики, теперь они все – Доминики.

Столько народу занято на «заделке ног». Понятно, что цены падают. Очень скоро с миллионеров от программно-го обеспечения и нефтяных шейхов ты опускаешься до гостиничных баров, где, одетая в платье из прошлогодней коллекции «Прада», исполняешь легкую стимуляцию стоп за двадцать баксов за раз. Лезешь под столики в ресторанах, чтобы заделать ноги участникам съезда. Выскакиваешь из огромных тортов к дню рождения и «делаешь ноги» целой футбольной команде, или выкладываешься на мальчишнике, просто чтобы хватало денег платить за родительскую квар-

тиру.

И уже дело времени, когда какой-нибудь неизлечимый ножной грибок заберется под твой французский маникюр с покрытием из жидкого шелка.

И это все для того, чтобы погасить только проценты по долгу, по тем деньгам, которыми тебя ссудил Ленни со своей русской мафией. Чтобы ты вложила их в акции, которые прогорели. В акции, рекомендованные тебе Ленни. Чтобы ты купила себе украшения и туфли, без которых, по утверждению Ленни, просто нельзя обходиться при твоей работе.

Ты сидишь в баре в отеле «Парк Хэмптон» и пытаешься уговорить пьяного бизнесмена, чтобы он заплатил тебе десять долларов за эротическую стимуляцию стоп в мужском туалете. И вдруг видишь ее, Анжелику. Она идет через фойе, в сторону лифтов. Ее волосы отливают блеском. Меха волочатся по ковру следом за высоченными каблуками. Анжелика по-прежнему выглядит потрясающе. Ваши взгляды встречаются, и она машет тебе рукой, затянутой в кожаную перчатку.

Когда лифт подъезжает, она говорит, что идет к Ленни, в пентхаус. В клинику.

Она смотрит на твои сбитые каблуки, на твои страшные ногти и говорит:

– Пойдем посмотрим, какие у нас перспективы развития...

Лифт останавливается на последнем этаже. Ленни зани-

мает целый пентхаус. У дверей стоят-охраняют два полосатых костюма, сплошь набитые мышцами. Именно этим го-риллам ты отдаешь долю Ленни, половину всего, что зарабатываешь. Один из охранников называет ваши имена в микрофон, пришпиленный к лацкану, и дверь открывается с громким жужжанием.

Внутри только ты, Анжелика и Ленни.

Только не смейтесь, но твоя одинокая жизнь, где сплошные чужие ноги – у Ленни все еще хуже. Запертый здесь, наверху, он целый день ходит в махровом купальном халате, считает деньги и говорит по телефону. Всей мебели – только стул с заляпанным грязным сиденьем. У стеклянной стены с видом на город лежит одинокий матрас. На экране компьютера безостановочно ползут цифры: цены на акции.

Ленни подходит к вам, халат не завязан, под халатом – мятые полосатые боксеры. Белые носки давно пожелтели. Ленни тянет руки к лицу Анжелики и говорит:

– Мой ангел, мое сокровище. – Он берет ее лицо в ладони и говорит: – Как ты, солнце мое?

На своих высоченных шпильках она чуть ли не на голову выше него. Она улыбается и говорит:

– Ленни...

И Ленни бьет ее по лицу, сильно, с размаху, и говорит:

– Ты же обманываешь меня. – Он замахивается, готовый ударить еще раз. – Берешь клиентов у меня за спиной, да?

Анжелика подносит руку в перчатке к лицу, закрывает

красный отпечаток Лениной ладони и говорит:

– Малыш, нет...

И Ленни опускает руку. Поворачивается к Анжелике спиной. Подходит к окну, смотрит на город, распростертый как раз под его матрасом.

– Малыш, – говорит Анжелика. – Дай я тебе покажу что-то новенькое.

Анжелика смотрит на меня.

Потом подходит к нему, встает у него за спиной, кладет руки в перчатках ему на плечи. Она говорит:

– Сейчас ты увидишь, как мамочка любит своего малыша...

Она мягко давит ему на плечи, чтобы он сел на матрас. Потом – лег. Она снимает с него пожелтевшие носки.

– Давай, малыш, – говорит она. Снимает перчатки и говорит: – Ты знаешь, *как* я умею заделать ноги...

А потом она делает то, чего я в жизни не видела. Никогда. Она опускается на колени. Открывает рот. Губы растянуты широко-широко, в тонкую линию. Она проводит языком по всей подошве его стопы. Анжелика обхватывает губами Ленину пятку, и Ленни стонет.

Только не смейтесь, но есть работа, которая хуже самой поганой из всех поганных работ. Медиумагнат, у которого в жизни не поднималось давление, умирает от сердечного приступа в номере «Четырех сезонов». Рок-звезда, абсолютно здоровый лось, умирает от почечной недостаточности после

массажа ног в «Шато Мармот».

У нас есть доступ к ногам президентов и султанов. Директоров крупных компаний и кинозвезд. Королей и королев. Мы знаем, как сделать, чтобы заказное убийство смотрелось как смерть по естественной причине.

Об этом тебе и рассказывает Анжелика, когда вы едете вниз на лифте. Уже после того, как Ленни стонал и бился, словно в припадке. Уже после того, как Анжелика вылизывала его ногу до тех пор, пока он не сел на матрасе, схватившись руками за сердце, и хватая ртом воздух, и глядя на Анжелику, которая продолжала сосать его пятку. Когда его сердце остановилось, Анжелика прикрыла его простыней, до самого подбородка. Вытерла помаду с его ноги, подкрасила губы. Она отключила его телефоны и сказала охранникам, что Ленни решил вздремнуть.

Когда вы едете вниз на лифте, Анжелика говорит, что она больше не будет «заделывать ноги». Это был ее последний раз. Ленни ей заказало конкурирующее агентство. Эта «заделка» стоила миллион долларов, налом. И теперь Анжелика «отходит от дел», навсегда.

Анжелике нужно чего-нибудь выпить, чтобы отбить вкус ноги Ленни. В баре отеля вы берете себе по коктейлю. Последняя выпивка, на прощание. А потом Анжелика тебе говорит: посмотри вокруг. Видишь, в холле. Эти мужчины в костюмах. Женщины в дорогих мехах. Они все – убийцы от

рольфинга. Убийцы от рэйки.² Убийцы от глубоких очистительных клизм.

Анжелика говорит, что в гемматерапии есть особые приемы: если, скажем, положить кристалл кварца кому-то на сердце, потом – аметист на печень и бирюзу на лоб, человек впадет в кому, и так и умрет. Если знающий фэн-шуист заберется по-тихому к тебе в спальню и чуть сдвинет мебель, у тебя разовьется неизлечимая болезнь почек.

– Прижиганием, – говорит Анжелика, имея в виду метод, основанный на возжигании ароматических конусов на точках акупунктуры, – можно убить. И шиатсу тоже.

Она допивает коктейль и снимает свое жемчужное ожерелье.

Все эти лекарства, которые, по утверждению производителей, сделаны только из натуральных компонентов, а значит, полностью безопасны – Анжелика смеется. Говорит, цианид – натуральный компонент. И мышьяк тоже.

Она отдает ожерелье тебе и говорит:

– Теперь я снова Лентил.

Такой ты хочешь запомнить ее, Анжелику, а не такой, какой она была на фотографии в газете на следующий день, когда ее тело в промокшей норковой шубе выудили из реки.

² Рольфинг – комплексная система массажа, вызывающего структурные изменения в теле пациента. Назван по имени его изобретателя, американского биохимика и физиотерапевта Иды Рольф (1896–1979). Рэйки – здесь: метод нетрадиционной медицины, основанный на работе с универсальной жизненной энергией, заключенной в теле человека.

Убийцы забрали ее сережки и часы с бриллиантами, чтобы это выглядело как ограбление. Она умерла не от умелой «заделки ног», ее умертвили вполне традиционным способом: пулей в затылок, прямо в ее безупречную французскую косу. Предупреждение всем Диркам и Доминикам, которым захочется «отойти от дел».

Звонят из клиники. Не Ленни, кто-то другой, тоже с русским акцентом. Хотят направить тебя к клиентам, но ты им не доверяешь. Охранники видели тебя с Лентил. Там, в пентхаусе. Вполне вероятно, тебя тоже ждет пуля в затылок.

Родители звонят из Флориды и говорят, что их постоянно преследует черный автомобиль, и еще им звонили и спрашивали, где тебя можно найти. А ты теперь постоянно переезжаешь из одной ночлежки в другую и «делаешь ноги» прямо на улице, чтобы у тебя были деньги на жизнь.

Ты говоришь папе с мамой: вы там осторожнее. Говоришь, чтобы они не давали делать себе массаж никому, кого они не знают. Ты звонишь им с телефона-автомата и говоришь, чтобы они не связывались с ароматерапией. Аурами. Рэйки. Только не смейтесь, но теперь тебе постоянно придется срываться с места на место. Может быть, всю оставшуюся жизнь.

Нет, объяснить ты не можешь. У тебя уже не осталось четвертаков, и ты говоришь папе с мамой: ну ладно, пока.

3

В первую неделю мы ели мясо под соусом «Веллингтон», а Мисс Америка обходила все двери и, встав на колени,ковырялась в замках мастихином, позаимствованным у Герцога Вандальского.

Мы ели морского окуня, а Мисс Апчхи глотала пилюльки и капсулы из гремящих пузырьков у нее в чемодане. Кашляла в кулачок и вытирала нос рукавом свитера.

Мы едим тетразини с индейкой, а Леди Бомж играет своим кольцом с бриллиантом, оправленным в платину. Она перевернула его на пальце и разговаривает с ним вслух, словно держа огромный бриллиант в ладони.

– Пакер? – говорит она. – Это *совсем* не то, чего я ожидала. – Леди Бомж говорит: – Как я могу написать что-то достойное, когда окружение... не соответствует?

Разумеется, Агент Краснобай снимает ее на видео. Граф Клеветник достает свой диктофон, ловит каждое слово.

Там кхе-кхе. Тут кхе-кхе. Ворчание. Нытье. Все недовольны, все жалуются. Мисс Апчхи говорит, что здешний воздух буквально забит токсичными спорами плесени.

Там кхе-кхе. Тут так-так. Никто не работает. Никто не написал ни строчки.

Худющий Святой Без-Кишок, словно голодный птенец с вечно раззявленным ртом и запрокинутой головой, вливал в

себя картофельную запеканку с мясом, или яблочный пирог, или острые пирожки с чили из серебристых шуршащих пакетов из майларовой фольги. Заглатывал чуть теплую массу, даже не пережевывая. Его острый кадык ходил вверх-вниз при каждом глотке.

Хваткий Сват выплюнул табачную жвачку на грязный ковер и сказал, что это промозглое здание, сумрачное и унылое, совсем не похоже на писательскую колонию, как он ее себе представлял: люди едят на свежем воздухе, зеленые лужайки улаживают взор; у каждого – свой отдельный коттедж; по утрам им приносят завтрак в коробке. Цветущий сад, абрикосовые деревья в белой метели лепестков. Послеобеденный сон под каштанами. Крокет.

Мисс Америка даже еще не бралась за конспект своего киносценария, своего будущего шедевра, а уже заявила, что у нее ничего не выходит. Грудь болит – невозможно писать. Руки какие-то вялые. От одного только запаха сегодняшних котлет из телятины ее немного стошнило вчерашними крабовыми лепешками.

У нее почти на неделю задерживается менструация.

– Это синдром нездорового здания, – сказала ей мисс Апчи. Ее красный нос уже свернулся на сторону оттого, что она постоянно вытирает его рукавом.

Леди Бомж провела пальцами по перилам, по резным спинкам кресел и показала нам пыль.

– Видишь, – сказала она бриллианту в своей ладони, – Па-

кер? Пакер, это же неприемлемо.

В первую неделю затворничества Мисс Апчхи постоянно кашляла и дышала со свистом, глухим и низким, как стоны волюнки.

Мисс Америка пыталась взломать замки на дверях. Рывком раздвигала зеленые бархатные занавески в холле, обставленном в стиле итальянского ренессанса, но все окна были заложены кирпичами. Рукояткой своего розового колеса-тренажера она разбила витражное окно в готической курительной комнате и увидела лишь бетонную стену с горящими лампочками, создающими имитацию дневного света.

Диваны и кресла в холле Людовика XV обтянуты васильковым бархатом, стены украшены замысловатой лепниной в виде позолоченных завитков, Мисс Америка встала посреди комнаты в своем спортивном купальнике из ярко-розового спандекса и потребовала ключ. Ее светлые волосы были как белое море, бушующее у нее за спиной. Она сказала, что ей нужен ключ, чтобы выйти наружу, буквально на пару дней.

– Вы пишете романы? – спросил мистер Уиттиер. Его руки, даже когда лежали неподвижно на хромированных подлокотниках инвалидного кресла, все равно будто бы отбивали невидимую телеграмму. Под сморщенной кожей в оплетке из выступающих вен его кости произвольно дрожали.

– Киносценарии, – сказала Мисс Америка, уперев кулаки в бедра, обтянутые розовым спандексом.

Глядя на нее, высокую, стройную, гибкую, мистер Уитти-

ер сказал:

– Да, конечно. Ну, так напишите сценарий о том, что такое усталость.

Нет, Мисс Америке нужно сходить к гинекологу. Ей нужно сдать кровь на анализ. Ей нужны предродовые витамины.

– Мне нужно кое с кем встретиться, – сказала она.

С ее парнем.

И мистер Уиттиер сказал:

– Вот поэтому Моисей и увел племена Израилевы в пустыню...

Потому что они столько лет прожили в рабстве. Поколение за поколением, они учились, как быть беспомощными.

Чтобы создать расу хозяев из расы рабов, сказал мистер Уиттиер, чтобы научить забитых, смиренных людей самим управлять своей жизнью, Моисею приходилось быть сволочью.

Мисс Америки сидела на краешке василькового кресла и кивала блондинистой головой. Ее волосы взметались и падали. Она все понимает. Она понимает. А потом она сказала:

– Ключ?

И мистер Уиттиер сказал ей:

– Нет.

Он держал на коленях серебристый майларовый пакет с курицей в винном соусе. Потертый синий ковер у него под ногами был липким от темной плесени. Каждое влажное пятно – словно тень с руками и ногами. Словно заплесневелый

призрак. Зачерпнув ложкой курицу в винном соусе, мистер Уиттиер говорит:

– Пока вы не научитесь не обращать внимания на внешние обстоятельства и делать то, что вам надо делать, не зависимо ни от чего, – он говорит, – вас так и будут держать под контролем.

– А это как называется? – говорит Мисс Америка, разгоня рукой пыльный воздух.

И мистер Уиттиер говорит, в первый раз, и потом повторит это неоднократно:

– Я всего лишь хочу, чтобы вы выполнили обещание. – И добавляет: – То, что не дает вам развернуться всю жизнь, сдерживает вас и здесь.

То в воздухе что-то такое носится. То вам нездоровится, то давит усталость. Отец снова напился. Жена к вам охладела. Всегда найдется какое-то оправдание, чтобы не жить собственной жизнью.

– А если что-то случится? Если у нас вдруг закончится вся еда? – говорит Мисс Америка. – Тогда вы откроете дверь, ведь откроете?

– Но у нас ее много, еды, – говорит мистер Уиттиер с полным ртом пережеванной курицы с каперсами. – И она не закончится.

Да, тогда еще – нет.

В первую неделю в том доме мы ели овощное карри с рисом. Лосося, замаринованного в терияки. И все – заморо-

женные полуфабрикаты.

Мы ели зеленую фасоль, запаянную в майларовые пакеты, которые не разорвешь руками. «Гарантированная защита от паразитов и грызунов» было оттиснуто черной краской на каждом серебристом пакете. Мы ели зеленую фасоль, гарантированно защищенную от паразитов и грызунов, и тушеную курицу, и вареную сладкую кукурузу. В пакетах что-то гремело: палочки, камушки и песок. Они были похожи на серебряные подушечки, потому что их закачали азотом, чтобы содержимое не «ожило» и не испортилось. Лазанья с мясным соусом или равиоли с сыром.

Невзирая на гарантированную защиту, наше Недостающее Звено разрывал эти пакеты голыми руками, до неприличия волосатыми лапищами.

Чтобы приготовить обед, надо разрезать пакет ножницами или ножом. Потом надо вытащить маленький бумажный пакетик с окисью железа – его кладут для того, чтобы абсорбировать кислород. Вынимаешь пакетик с окисью железа и заливаешь содержимое указанным количеством кипящей воды. У нас была микроволновка. Пластмассовые вилки и ложки. Бумажные тарелки. И водопровод.

Не успеешь прочесть и десяти страниц какого-нибудь вампирского романа, и обед готов. Вместо палочек-камушков и горячей воды получаешь серебряную подушку с бефстрогановом или мясным рулетом «по-домашнему».

Мы сидели на синем ковре на лестнице в холле, на пере-

катах этого синего водопада. Лестница была очень широкой: можно было усесться всем на одну ступеньку, даже не соприкасаясь локтями. Мы ели тот же бефстроганов, который будет есть президент у себя в бункере во время ядерной войны. От того же производителя.

На серебристых пакетах было написано по трафарету: «Шоколадный торт „Чертик“ и „Банановый фостер“. Картофельное пюре. Макароны с сыром. Замороженный картофель-фри.

Такая удобная еда.

И до боли знакомая.

На каждом пакете стоит срок годности, который закончится только тогда, когда мы все умрем. Когда умрут наши дети.

Клубничные кексы со столетним сроком годности.

Мы ели замороженную говядину с замороженным мятым желе, а Леди Бомж осознавала всем сердцем, что она действительно любила своего покойного мужа. Я любила его, кричала она в сложенные чашечкой ладони. Сотрясалась рыданиями, сгорбившись под своей норковой шубой. Держа огромный бриллиант на ладони, она говорила, что ей надо выйти отсюда и похоронить своего дорогого супруга в три карата на семейном участке.

Мы ели денверский омлет, а Герцог Вандальский жевал свою никотиновую жвачку, пытался выдувать из нее пузыри и сокрушался, что выбрал не самое подходящее время для того, чтобы бросить курить. А у Святого Без-Кишок онеме-

ла левая рука – в результате повторяющихся однообразных движений при попытках кончить без визуальной поддержки.

Кот Директрисы Отказ, кот по имени Кора Рейнольдс, доедал остатки морского окуня, а Графиня Предвидящая и Преподобный Безбожник все переживали, что здесь недостаточно безопасно. Мы сами забрались в ловушку. Они боялись, что нас найдут, и... Они сказали мистеру Уиттиеру, что им нельзя долго сидеть в одном месте, им надо бежать, надо скрываться.

Преподобный Безбожник, сжимая в руках альбом Барбры Стрейзанд, читал слова песен из вложенной книжечки, беззвучно шевеля губами, похожими на две кровавые колбаски. Он сказал в диктофон Графа Клеветника:

– Я *даже не сомневался*, что тут будет стереосистема.

В видеоискателе камеры Агента Краснобая, Повар Убийца поднес ко рту полную ложку суфле из шпината, с которого капал зеленый сок, и сказал:

– Я профессиональный повар. Я *не критик* продуктов питания, но я не выдержу целых три месяца на *растворимом* кофе...

Разумеется, все говорили, что они непременно напишут свои романы, стихи и рассказы. Обязательно сотворят свой шедевр. Только не здесь. Не сейчас. Потом, где-нибудь в другом месте. Снаружи.

В первую неделю мы вообще ничего не делали. Только жаловались и возмущались.

– Это не оправдание, – сказала Мисс Америка, поддерживая свой плоский живот обеими руками. – Это человеческая жизнь.

Мисс Апчхи кашлянула в кулак. Шмыгнула носом, выпустила красные слезящиеся глаза и сказала:

– Я тут не выживу. Я тут умру.

Сунула руку в карман, достала очередную таблетку.

И конечно же, мистер Уиттиер покачал головой:

– Не умрете.

Сидя в кресле, обтянутом синим бархатом, в окружении золоченой лепнины и бархата, мистер Уиттиер зачерпнул ложкой суп из моллюсков из майларового пакета и сказал:

– Расскажите мне про отца ребенка. – Он сказал, обращаясь к Мисс Америке. – Опишите мне сцену, как вы познакомились.

И камера Агента Краснобая взяла лицо Мисс Америки крупным планом.

Усовершенствование продукта

Стихи о Мисс Америке

– Я постоянно высматриваю, – говорит Мисс Америка, – что мне НЕ нравится.

Каждый раз, когда она смотрится в зеркало.

Мисс Америка на сцене, ее светлые волосы выются пышными кольцами и вздымаются волнами, чтобы зрительно уменьшить лицо.

Высоченные шпильки. Одна нога выставлена чуть вперед, чтобы зрительно сузить бедра.

Она стоит полубоком, лицо и плечи развернуты вполоборота к зрителям в зале.

Так стоять неудобно, но зато талия кажется тоньше.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма: Лицо Мисс Америки скрыто вуалью из кадров, нарезанных из видеокурсов «Как улучшить фигуру».

Губы, глаза, все лицо – под макияжем из женских ног в обжигающе-розовых леггинсах и термоколготках.

Кожа пестрит скачущими и танцующими фигурами.

Каждая из этих женщин наблюдает за своим отражением в зеркале.

Фильм: тень отражения иллюзии миража.

Она говорит:

– Каждый раз, когда я смотрюсь в зеркало – это тайное маркетинговое исследование.

Она – сама себе тестовая аудитория.

Ее внешняя привлекательность оценивается по десяти-балльной шкале.

Ежедневный бета-тестинг обновленной, исправленной и улучшенной версии себя любимой.

Тонкая перенастройка в соответствии с рыночными тенденциями.

Платье плотно облегает фигуру, как купальник, как обтягивающий спортивный костюм.

На колготках – проекции женщин, крутящих педали, едущих в никуда со скоростью тысяча калорий в час.

– В разделе «Особые хитрости» своей программы, – говорит она, – я научу вас отглатывать.

Будь то огромная порция персикового мороженого, Хеллоуинский набор миниатюрных шоколадных батончиков, шесть пончиков в глазури или пара двойных чизбургеров.

В общем, обычная пища.

И иногда – сперма.

У нее на лице мелькают кадры из видеокурсов по аэробике, ее краткосрочная цель – преодолеть первоначальную сопротивляемость потребителя.

Ее долгосрочная цель – обеспечить постоянный приток инвестиций.

В себя – как в долговечный и качественный продукт.

Гримерка

Рассказ Мисс Америки

Когда взрываются бомбы, в этом нет ничего личного. Или когда вооруженный псих берет заложников на стадионе. Когда на новостном мониторе высвечивается боевая готовность, то есть «экстренный выпуск», все местные станции прерывают свои передачи и переключаются на выпуск новостей центрального телевидения.

Сперва шеф-редактор и режиссер выводят вставку в формате «экран пополам». Сплит-скрин, как это у них называется. Потом местный ведущий говорит что-то вроде: «Мы прерываем программу, чтобы передать экстренный выпуск новостей. Океанский лайнер терпит бедствие в открытом море. С места событий – специальный корреспондент Такой-то, в прямом эфире из Нью-Йорка». Это у них называется «прямое включение».

Потом дают новостной выпуск центрального телевидения, а работники местных студий сидят, дергаются и ждут, пока не придет сигнал к окончанию прямого включения.

И никому не приходит в голову объяснить все это начинающим телекоммивояжерам, которых бросают в эфир рекламировать и продавать видеокурсы из серии «Помоги себе сам», книги или ножи для очистки моркови.

Так что, сидя в гримерке, в ожидании приглашения на программу «Просыпайся, Чаттануга!», молодой человек с волосами, зализанными назад, учит жизни молоденькую блондинку.

Она слишком блондинистая, объясняет он. Режиссеры-постановщики очень не любят таких выбеленных блондинок, потому что при свете прожекторов они начинают «гореть». Бликовать на картинке. Кажется, будто вся голова у блондинки объята пламенем.

– Если у тебя есть какие-то записи, – учит блондинку зализанный молодой человек, – не смотри в них в эфире, иначе в кадр попадет только макушка.

Редакторы по гостям, говорит он, ненавидят, когда участники передачи приходят с бумажками. Они ненавидят гостей, которые не пытаются говорить сами. Тогда редактор говорит тебе: «Не навязывай свой товар. Представь, что ты – это он».

Тем более что этот же редактор называет тебя «Колесо для фитнеса», потому что так обозначен твой блок в разблюдовке, то есть в верстке программы. Время зализанного молодого человека обозначено как «Видеокурсы». Пожилого мужчины – «Пятновыводитель».

Блондинка и зализанный молодой человек сидят на старом, затертом кожаном диване в гримерке, бумажные чашки с остывшим кофе забыты на столике, два монитора мерцают под потолком, в двух углах. На одном мониторе диктор

центрального телевидения рассказывает о тонущем лайнере, потом картинка сменяется видеорядом: корабль вверх днищем и россыпь оранжевых спасательных жилетов на воде. На втором мониторе что-то совсем уже грустное. Еще хуже, чем тонущий лайнер.

Пожилой дядька из Блока А, аккуратно причесанный старичок, который остановился в «Мотеле 6» и встал в пять утра, чтобы приехать на студию и расхвалить свое изобретение: специальную щетку для удаления пятен. Бедный старый пердун. Ему повесят петличку и пустят в эфир из студийной «гостиной», где целые джунгли искусственных растений. Сейчас он сидит-потеет под жаркими прожекторами, пока ведущая приветствует телезрителей.

Декорации гостиной отличаются от «кухни» и «главной студии» тем, что там больше искусственной зелени и разбросанных подушек.

Этот пожилой дядька уверен, что у него есть целых десять минут, потому что первый рекламный блок пойдет не раньше, чем через десять минут после начала. На большинстве каналов на рекламу уходят через восемь или девять минут. Таким образом мы не даем зрителям заскучать, чтобы они не скакали с канала на канал, и обеспечиваем программе высокий рейтинг на целых пятнадцать минут.

– Не то чтобы очень, – говорит нашей блондинке зализанный молодой человек и быстро крестится, как хороший католик, – но лучше пусть он, чем кто-то из нас.

Буквально через долю секунды после начала демонстрации его чудо-щетки Блок А прерывается прямым включением на обреченный океанский лайнер.

Сидя в этой примерке, на затертом кожаном диване, в какой-то двузначной ЗПВ, зализанный молодой человек говорит, что у него будет, наверное, семь минут, чтобы привнести в мир учение мисс Бойд.

ЗПВ означает: зона прямого влияния. Бостон, к примеру, это третья ЗПВ в стране, потому что у них третий по величине потребительский рынок СМИ. Нью-Йорк – первая ЗПВ. Лос-Анджелес – вторая. Даллас – седьмая.

Этот город, где они сейчас, он стоит где-то ближе к концу первой сотни в списке ЗПВ. «Рассвет в Линкольне» или «С добрым утром, Талса». Потребительский рынок СМИ, состоящий из «никого» с демографической точки зрения.

Еще один добрый совет: не надевай ничего белого. Или черного с белым, потому что такой узор «рябит», или «стробит» в кадре. И тебе непременно надо похудеть.

– Только чтобы поддерживать этот вес, – говорит наша блондинка зализанному молодому человеку, – надо столько работать.

Ведущая в эфире, диктор местного телевидения, говорит зализанный молодой человек, она как сквозная труба. Что скажут ей в «ухо», то она и произносит в эфире своими красными накрашенными губами. Например, сюжет слишком затягивается, и надо его сократить, и режиссер говорит веду-

щей: «Мы в перебое. Давай, короти. Переключаемся на собачий приют, а потом сразу идем на рекламу...», и она говорит, как ей сказали.

В общем, сквозная сливная труба.

Наша блондинка внимательно слушает. Она не смеется. Даже не улыбается.

Зализанный молодой человек говорит ей, что однажды он видел, как одна спецкорша, передававшая репортаж с места событий, стоя на фоне горящего склада, зарылась рукой себе в волосы и, глядя прямо в основную камеру, в прямом эфире, сказала: «Повторите вопрос. У меня отошла затычка...»

Спецкорша имела в виду, что у нее выпало «ухо», наушник обратной связи, поясняет зализанный молодой человек. Он указывает на ведущую, которую только что завели на монитор, и говорит, что у ведущих и корреспондентов всегда такие прически, чтобы волосы закрывали хотя бы одно ухо. Потому что в ухе у них – крошечный наушник, чтобы слушать подсказки и распоряжения режиссера. Если сюжет получается слишком затянутым, или нужно немедленно переключиться на аварию ядерного реактора.

Эта блондинка, она продает что-то вроде колеса-тренажера, которое надо катать, чтобы сбросить вес. На ней розовый спортивный купальник и малиновые колготки.

Да, она стройная и блондинистая, но чем больше выступов и углублений у тебя на лице, поучает ее зализанный молодой человек, тем лучше ты смотришься в кадре.

– Вот поэтому я и храню свою фотографию *до*, – говорит она. Потом подается вперед, наклоняется низко-низко, так что грудь прижимается к коленям, и роется в спортивной сумке, стоящей на полу. Она говорит: – Это единственное доказательство, что я не просто очередная блондинка с изысканными формами. – Она вынимает из сумки какую-то бумажку, держа ее за уголок двумя пальцами. Это фотография, и блондинка говорит зализанному молодому человеку: – Пока люди ее не видят, они думают, что я такая и родилась. Они даже и не догадываются, что я сама себя сделала.

Чуть-чуть жирка на лице, говорит ей зализанный молодой человек, и ты совершенно не смотришься в кадре. Ты – никто. Маска. Луна в полнолуние. Большой ноль, совершенно не запоминающийся зрителям.

– Вот каким я была пузырем, но мне удалось сбросить вес, и это единственное, что я сделала *героического* в жизни, – говорит она. – Если я наберу его снова, то получится, что я вроде как и не жила.

Понимаешь, говорит ей зализанный молодой человек, телекамера берет трехмерный объект – тебя, – и превращает его в двухмерное изображение. Вот почему в кадре ты смотришься толстым. Толстым и плоским.

Держа фотографию двумя ногтями, глядя на себя прежнюю, наша блондинка говорит:

– Не хочу быть просто очередной худышкой.

Насчет ее «воспламеняющихся» волос зализанный моло-

дой человек говорит:

– Поэтому в порнографии и не снимают рыжих. При студийном освещении рыжие волосы смотрятся неестественно.

Вот кем ему хочется быть, этому парню с зализанными волосами: камерой за камерой, что за камерой, выдающей истину в последней инстанции.

Каждому хочется, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним. Каждому хочется поучать других, что хорошо, а что плохо. Как правильно и как неправильно.

Зализанный молодой человек объясняет нашей слишком блондинке, которая будет «бликовать» в кадре, что эти программы на местных студиях делятся на шесть блоков с рекламой в промежутках. Блок А, Блок В, Блок С и т. д. Эти программы, типа «Проснись и пой, Фарго» или «Новый день в Седоне», они уже вымирают. Для того чтобы заполнить эфирную сетку, дешевле купить права на показ готового ток-шоу с центральных каналов, чем снимать передачи самим.

Вот такие промоушн-туры – это как будто гастроли эстрадных артистов. Переезжаешь из города в город, из отеля в отель, даешь единственное представление по местному телевидению или по радио. Продаешь свои щипцы для волос принципиально новой конструкции, или пятновыводитель, или тренажер-колесо для спортивных занятий.

У тебя есть семь минут, чтобы разрекламировать свой продукт. Это если тебя не впихнули в блок F – последнюю часть программы, когда половина ЗПВ уже переключилась

на другие каналы, потому что предыдущие сюжеты были слишком затянутыми и нудными. А бывает и так, что тебя «срезают» вообще, потому что другие герои программы выступают настолько смешно и забавно, что их «держат» и после рекламы, с заходом на следующий блок. Или происходит прямое включение на тонущий лайнер.

Вот почему первый блок – самый лучший. Начинается передача, ведущая начитывает приветствие, и ты в эфире.

Все эти знания и хитрости мастерства, добытые тяжким трудом, очень скоро они будут вообще никому не нужны.

Быть может, поэтому зализанный молодой человек поучает нашу блондинку бесплатно. На самом деле, говорит он, ему надо было бы написать книгу. Воплощение Американской мечты: превратить свою жизнь в товар, который можно продать.

По-прежнему глядя на свою фотографию, где она еще толстая, блондинка говорит:

– Глупо, конечно, но эта фотка, где я корова коровой, – для меня это самое дорогое. – Она говорит: – Раньше я очень расстраивалась, когда на нее смотрела, но теперь это – единственное, что меня радует.

Она протягивает руку вперед и говорит:

– Я пью столько рыбьего жира, что от меня пахнет рыбой. – Она машет фоткой перед носом зализанного молодого человека. – Вот, понюхайте мою руку.

Рука пахнет рукой, кожей, мылом и бесцветным лаком

для ногтей.

Он нюхает ее руку и берет фотографию. Там, на бумаге – плоское двухмерное изображение толстой коровы в джинсах с заниженной талией и коротеньком маленьком топики. Ее прежние волосы – совершенно обычные, среднестатистические каштановые.

Зализанный молодой человек одет безупречно: бледно-розовая рубашка, васильковый галстук, синий спортивный пиджак. Розовый оживляет цвет лица. Синий очень подходит к глазам. Еще до того, как ты начнешь говорить, объясняет он, ты должен быть презентабельным. Презентабельным, аккуратным и ухоженным гостем, которого не стыдно пустить в эфир. Придешь в мятой рубашке, в заляпанном галстуке – и тебя точно «зарезут», если понадобится сократить сюжет, потому что они не укладываются в формат.

Гость программы должен быть обаятельным, привлекательным и ухоженным. Радостным и энергичным. Телегеничным. Таким, про кого говорят: «Камера его любит». Приятная внешность – залог успеха, потому что пятновыводитель или колесо-тренажер не умеют говорить.

Пожилой дядечка на мониторе – кожа, свисающая с подбородка, закрывает край накрахмаленного воротничка. А когда он глотает, она еще больше вываливается наружу, сморщенными складками – как жирный живот нашей блондинки на фотографии *до* вываливается из джинсов.

На той фотографии она вообще на себя не похожа. Как

будто это другой человек. Скорее всего потому, что на фотографии она улыбается.

Глядя на монитор в гримерке, зализанный молодой человек объясняет, что если камера «держит» только ведущую и гостя и никогда не показывает общий план, то есть зрителей в студии, это значит, что там сидят только старухи с плохими зубами. Гостевой администратор – человек, отвечающий за набор зрителей для съемок в студии, – наверное, заключил сделку. Он набрал старых кошелок, чтобы заполнить студию в семь утра, а телеканал, в свою очередь, обещал дать рекламе Ярмарки ремесел «наших пенсионеров». Собственно, так они и набирают массовку для съемок. На Хеллоуин в студии сидят молодые люди, а канал рекламирует их акцию по сбору денег на охрану домов с привидениями. На Рождество в студию набиваются старики и старухи, которым нужно привлечь внимание к своим благотворительным базарам. Фальшивые аплодисменты в обмен на дармовую рекламу.

На мониторе в гримерке экстренный выпуск новостей центрального телевидения снова сменяется местным вещанием. Ведущая предлагает посмотреть анонс завтрашней передачи «Прическа и макияж: полное преображение», потом идет отбивка: очень красивая картинка с дождем, металлический звон – и пошла реклама.

Судно затонуло. Несколько сотен погибших. Художественный фильм – в одиннадцать.

Зализанный молодой человек мысленно переписывает

свою речь о пользе видеокурсов по инвестициям, чтобы включить туда форс-мажорные обстоятельства. Непредвиденные катастрофы. И как это важно для тех людей, которые зависят от вас, чтобы у вас был хороший, солидный инвестиционный план. Он сам – свой продукт. Он не пользуется никакими записями.

Он: камера за камерой.

Лайнер тонул на экране достаточно долго, так что наша блондинка, похоже, уже не вписывается в формат.

Еще до конца рекламы, до того, как пойдет репортаж о ситуации на дорогах, с крупными планами сверху и закадровым голосом диктора, шеф-редактор проводит щетку для удаления пятен обратно в гримерку. Повесит петличку видеокурсам по инвестициям. А колесу-тренажеру скажет: «Спасибо, что вы пришли, но мы тут задержались с прямым включением и уже не вписываемся в формат... нам действительно очень жаль».

И охранник проводит блондинку до выхода.

И все для того, чтобы ровно в десять переключиться на эфирную сетку центральных каналов: мыльные оперы и ток-шоу со знаменитостями.

Старый прыщ на мониторе: у него точно такие же рубашка и галстук, как у зализанного молодого человека. Точно такие же голубые глаза. Он все делает правильно. Просто сегодня явно не его день.

– Сделаю вам одолжение, – говорит нашей блондинке за-

лизанный молодой человек. Он по-прежнему держит в руке ее «толстую» фотографию до. – Вы примете добрый совет?

Она говорит: да, конечно, – и берет бумажную чашку с остывшим кофе и со следами помады на краешке, точно такого же розового оттенка, как у нее на губах.

Эта блондинка с ее бликующими волосами, сейчас она личная ЗПВ зализанного молодого человека.

Главное, говорит он, не давай всем этим Ромео с утренних ток-шоу затащить тебя в постель. Он не имеет в виду эфирных ведущих. Он имеет в виду гостей, приглашенных на передачи: разъездных продавцов с их чудо-швабрами и брошюрками «Как стать богатым». С которыми ты сталкиваешься в примерках в ЗПВ по всей стране. Вы мотаетесь из города в город, вам так одиноко. Целый день на ногах, а по вечерам – одинокий гостиничный номер.

Судя по личному опыту: эти романы в примерках – они ни к чему не приводят.

– Помнишь ту девушку, что продавала колготки «Надень и худи»? – спрашивает он.

И блондинка кивает: да.

– Это моя мама, – говорит зализанный молодой человек. Они познакомились с его отцом на таких вот «торговых турах». Они постоянно встречались в примерках. Но он на ней не женился. Бросил ее, как только узнал, что она забеременела. А она потеряла работу, потому что компании не нужна беременная продавщица колготок для похудения. В дет-

стве зализанный молодой человек только и делал, что смотрел передачи типа «С добрым утром, Болдер» и «Пора вставать, Тампа», пытаясь понять, который из этих улыбчивых, говорливых дяденек – его папа.

– Я поэтому и пошел в телекоммувиоажеры, – говорит он нашей блондинке.

Потому что дело есть дело, вот его главный принцип.

Блондинка говорит:

– Ваша мама, она очень красивая...

Его мама... Он говорит: эти колготки, «Надень и худей», в них, наверное, содержался асбест. У нее потом был рак кожи.

– Она была такой страшной, когда умерла, – говорит он.

В любую секунду может открыться дверь, и в гримерку войдет редактор по гостям и скажет, что ей очень жаль, но программа уже не укладывается во время и кого-то из приглашенных придется «выкинуть». Она посмотрит на нашу блондинку с волосами, которые «воспламяются» в кадре. Посмотрит на синий спортивный пиджак зализанного молодого человека.

Блок F выпал сразу, как только они переключились на то-нущий лайнер. Блок E – консультант-колорист, как написано в верстке, – отпал, когда стало понятно, что они в глубоком перебое. А потом они вычеркнули и Блок D: детские книги.

Вот печальная правда: даже если ты выкрасишь волосы в правильный цвет, не «бликующий» на картинке, и сумеешь изобразить жизнерадостную улыбку, и прямо-таки

изольешься весельем, все равно может так получиться, что какой-нибудь террорист с резакom для картона «перебьет» твои законные семь минут. Да, по идее, тебя могли бы отснять уже после программы и пустить твой сюжет в записи в завтрашней передаче, но так не бывает. Все передачи у них расписаны на неделю вперед, и если завтра тебя дадут в записи, это значит, что им придется выкидывать кого-то другого...

В эту последнюю минуту наедине, пока в гримерке нет никого, кроме них двоих, зализанный молодой человек спрашивает у нашей блондинки, как она смотрит на то, чтобы он сделал ей еще одно одолжение.

– Хотите отдать мне свой блок? – спрашивает она. И улыбается, точно как на фотографии. И у нее очень даже неплохие зубы.

– Нет, говорит он. – Но когда кто-то пытается с тобой общаться... быть с тобой обходительным и любезным... когда кто-то хочет тебя рассмешить... – говорит зализанный молодой человек и рвет ее страшенькую фотографию на две половинки. Потом складывает их вместе и рвет еще пополам. И еще. И еще. На кусочки. На конфетти. Он говорит: – Если ты хочешь иметь успех на телевидении, постарайся хотя бы *изобразить* улыбку.

Хотя бы сделай вид, что люди тебе не противны.

Там, в гримерке, у блондинки отвисает челюсть. Она хлопает ртом в ярко-розой помаде: раз, другой, третий – как ры-

ба, которую вытащили из воды, и говорит:

– Ах ты *сволочь* ...

И в это мгновение входит редактор с этим пожилым дядькой, который для удаления пятен.

Редактор говорит:

– Так, ладно. У нас есть всего один блок. Думаю, пустим видеокурсы...

Старый Прыщ смотрит на зализанного молодого человека, как смотрят на покупателя в универмаге, который заказывает товаров на полмиллиона, и говорит:

– Томас...

Блондинка просто сидит, держа свою чашку с остывшим кофе.

Редактор снимает маленький радиомикрофон с ремня пожилого дядьки и отдает его зализанному молодому человеку.

А он говорит пожилому:

– Доброе утро, папа.

Старый Прыщ хватается его за руку, трясет ее и говорит:

– А как твоя мама?

Девушка, что продавала колготки «Надень и худей». Девушка, которую ты бросил.

Наша мисс Блондинка встает. Поднимается на ноги, чтобы уйти восвояси, сдаться, признать свое поражение.

Зализанный молодой человек проверяет выключатель на микрофоне и говорит:

– Она умерла.

Умерла, ее похоронили, а где, он не скажет. А если скажет, то назовет не тот город.

И вдруг – брызги и плеск.

Его волосы и лицо – холодные и мокрые.

Он весь в кофе. В холодном кофе. Рубашка и галстук испорчены. Волосы, прежде зализанные назад, облепили лицо.

Наша блондинка забирает у него микрофон и говорит:

– Спасибо за добрый совет. – Она говорит: – Видимо, следующей пойду я ...

Но что хуже всего, хуже слишком светлых волос, «бликующих» в кадре, хуже его испорченной прически и залитой кофе рубашки: наша изящная стройная девочка влюбилась в него до беспамятства. Вот такая херня.

В холле, обтянутом синим бархатом, что-то с грохотом катится вниз по лестнице – из сумрака на балконах первого яруса. Ступенька за ступенькой, грохот все громче. Вот он уже обретает зримую форму чего-то черного и круглого. Оно катится вниз, со второго этажа. Это шар для боулинга. С глухими ударами – вниз по ступеням широкой лестницы. Черный, беззвучный, шар Сестры Виджиланте пересекает холл, выстланный синим ковром, – мимо Кору Рейнольдс, который сидит, лижет лапу, мимо мистера Уиттиера в инвалидной коляске, который пьет растворимый кофе, мимо Леди Бомж с ее бриллиантовым мужем – потом ударяется в двойные двери, черный, тяжелый, и исчезает в зрительном зале.

– Пакер, – говорит Леди Бомж своему бриллианту. – Мы здесь не одни, в этом доме. Здесь есть что-то еще. – Понизив голос до шепота, она спрашивает у бриллианта: – Это *ты*?

Этот маленький стеклянный квадратик, который надо разбить только в случае пожара, – Мисс Америка уже его расколотила. Она обходит все эти маленькие окошки в красных металлических рамках, рядом с которыми на цепочке висят молотки; разбивает стекло, дергает рычажок. Сначала в холле. Потом – в галерее, отделанной в стиле китайского ресторана: сплошной красный лак и гипсовые Будды. Потом – в вестибюле в подвале, в «храме майя», под плотоядными

взглядами резных индейских воинов.

Потом – в галерее «Тысяча и одной ночи», что идет вдоль балконов второго яруса. Потом – в аппаратной под самой крышей.

И ничего не происходит. Сирены не включаются. Никто не пытается проломиться сквозь запертые пожарные двери, чтобы спасти ее. Чтобы спасти всех нас.

Как ничего не происходило, так ничего и не происходит.

Мистер Уиттиер сидит в холле, на диване, обтянутом синим бархатом, под стеклянными листьями огромной люстры, что нависает над ним серым искрящимся облаком.

Хваткий Сват уже называет все люстры «деревьями». Ряды больших люстр, по центру каждого зала, каждой галереи, каждого холла. Он называет их стеклянным садом, выросшим из потолка на цепях-стеблях, обернутых бархатом.

В одних и тех же огромных залах каждому видится своя собственная реальность.

Граф Клеветник пишет в блокноте. Агент Краснобай снимает на видео. Графиня Предвидящая носит чалму. Святой Без-Кишок ест.

Директриса Отказ занята метанием игрушечной мышки. Кидает ее с размаху, и мышка летит, и падает где-то на полпути к дверям в зрительный зал. Пока Директриса Отказ растягивает плечо после броска, кот по имени Кора Рейнольдс приносит мышку обратно, взбивая лапами клубы кипящей пыли.

Миссис Кларк наблюдает за ними: одна рука лежит поперек груди, поддерживает бюст снизу, другая запрокинута за голову, растирает шею. Она наблюдает за ними и говорит:

– На вилле Диодати было пять кошек.

Святой Без-Кишок ест «Блинчики с вишней» быстрого приготовления, прямо из майларового пакета, пластмассовой ложкой.

Подпиливая ногти мягкой наждачной пилочкой, Леди Бомж наблюдает за тем, как каждая ложка сочной розовой массы исчезает у него во рту. Она говорит:

– Как это вообще можно есть?

И больше ничего не происходит. И дальше – опять ничего.

Пока Мисс Америка не встает в центре комнаты и не заявляет, обращаясь ко всем присутствующим:

– Это незаконно.

То, что сделал мистер Уиттиер, это похищение. Он держит людей против воли, а это уже уголовное преступление.

– Чем быстрее вы возьметесь за выполнение своих обещаний, – говорит мистер Уиттиер, – тем быстрее пролетят эти три месяца.

Швыряя игрушечную мышку, Директриса Отказ говорит:

– А что это за вилла Диодати?

– Дом на озере Комо, – говорит Леди Бомж своему бриллианту.

– На *Женевском* озере, – говорит миссис Кларк.

Мистер Уиттиер стоял на том, что мы всегда правы.

– Вопрос не в том, прав кто-то или неправ, – говорил он. На самом деле мы не бываем неправы. В своем понимании.

В своей реальности.

Мы никогда не бываем неправы.

Мы все делаем *правильно*.

И все *правильно* говорим.

В своем понимании ты всегда прав. Все, что ты делаешь – все, что ты говоришь, как ты себя преподносишь, – в момент совершения любого действия, это действие автоматически становится правильным.

Мистер Уиттиер подносит чашку к губам. Его руки трясутся. Он говорит:

– Даже если ты вдруг решил, что сегодня ты будешь пить кофе *неправильно* ... из грязного ботинка... все равно это будет правильно, потому что ты сам это выбрал. И сам так решил.

Потому что ты просто не можешь сделать что-то неправильно. Ты всегда прав.

Даже когда ты говоришь: «Ну, я и дурак. Признаю, был неправ...» Ты все равно прав. Прав в том, что когда-то ты был неправ. Даже когда ты ведешь себя как последний кретин, ты все равно прав.

– Даже самая глупая мысль, – говорил мистер Уиттиер, – все равно она правильная, потому что – твоя.

– Женевское озеро? – говорит Леди Бомж с закрытыми

глазами. Обхватив голову одной рукой, она растирает виски большим и указательным пальцами и говорит: – Вилла Диодати – это, где лорд Байрон изнасиловал Мэри Шелли...

И миссис Кларк говорит:

– Он ее не насиловал.

Каждый из нас обречен на то, чтобы всегда быть правым. Обо всем и во всем.

В этом подвижном текучем мире, где каждый по-своему прав, и каждая мысль, с момента ее воплощения – тоже правильная, скажет вам мистер Уиттиер, есть единственная постоянная величина: то, что мы обещаем.

– Три месяца, вы обещали, – говорит мистер Уиттиер сквозь пар от кофе.

И вот тогда кое-что происходит, но так – по мелочи.

Смотришь – все вроде нормально, но уже в следующую секунду все внутри обрывается. Жопа сжимается. Рука сама подлетает ко рту.

Мисс Америка держит в руке нож. Свободной рукой хватается мистера Уиттиера за узел галстука и тянет его к себе. Мистер Уиттиер роняет чашку, обжигаяще горячий кофе разливается по полу. Его руки безвольно обвисли. Они трясутся, слабо взбивая пыльный воздух.

Серебристый пакет Святого Без-Кишок падает на пол, блинчики быстрого приготовления вываливаются на васильковый ковер: липкие вишни и восстановленные взбитые сливки.

Кот набрасывается на вкусное.

И Мисс Америка говорит, глядя прямо в глаза мистера Уиттиера с расстояния в полдюйма:

– То есть я буду права, если я вас убью?

Нож – один из набора, который привез с собой Повар Убийца в своем алюминиевом чемоданчике.

И мистер Уиттиер тоже смотрит ей прямо в глаза. Они так близко друг к другу, что их ресницы соприкасаются, когда он моргает.

– Но все равно вы отсюда не выйдете, – говорит он. Немногочисленные седые волосинки свисают с макушки. Голос – полузадушенный хрип, из-за галстука, давящего на шею.

Мисс Америка тычет ножом в сторону миссис Кларк и говорит:

– А она? У нее что, нет ключа?

И миссис Кларк трясет головой: нет. Ее глаза широко распахнуты, но силиконово-пухлые кукольные губки по-прежнему сжаты.

Нет, ключ спрятан где-то в здании. И только мистер Уиттиер знает, где именно.

И все-таки она будет права, даже если убьет его.

Если она подожжет здание в надежде, что пожарные увидят дым и спасут ее раньше, чем мы все задохнемся – она опять же будет права.

Если она выковыряет ножом молочно-белый от катаракты глаз мистера Уиттиера и бросит его коту вместо мячика –

она будет права.

– В свете чего, – говорит мистер Уиттиер, чей галстук зажат в кулаке Мисс Америки, чье лицо сделалось темно-красным, а голос стал сдавленным шепотом, – давайте начнем с того, что выполним свои обещания.

Три месяца. Напишите свои шедевры. Конец.

Мисс Америка разжимает кулак. Мистер Уиттиер тяжело падает в инвалидное кресло, так что оно запрокидывается назад, отрываясь передними колесиками от пола. Потом колесики опускаются на место. В воздух вздымается облако пыли. Мистер Уиттиер хватается за воротник обеими руками, распускает галстук. Потом наклоняется, поднимает с пола чашку из-под кофе. Немногочисленные волосинки свисают седой бахромой с лысого черепа в старческих пятнах.

Кора Рейнольдс продолжает есть вишню и сливки с пыльного ковра у кресла Святого Без-Кишок.

Мисс Америка говорит:

– Это еще *не все* ... – и замахивается ножом, как будто целясь в собравшихся. Один быстрый замах, одно движение руки – и нож вонзается в спинку дворцового кресла в дальнем конце холла. Лезвие утоплено в синем бархате, рукоятка еще дрожит.

Агент Краснобай говорит из-за своей видеокамеры:

– *Снято.*

Кора Рейнольдс продолжает облизывать липкий ковер своим розовым замшевым язычком.

Граф Клеветник что-то пишет в блокноте.

– Так что там на вилле Диодати, миссис Кларк? – говорит Леди Бомж.

– Там было *пять* кошек, – говорит мистер Уиттиер.

– Пять кошек и восемь больших собак, – говорит миссис Кларк, – три обезьянки, орел, ворон и сокол.

Это было в 1816 году. Компания молодых людей приехала летом на виллу у озера. Почти все время они просидели дома – из-за непрекращающегося дождя. Женатые и неженатые. Мужчины и женщины. Они читали друг другу истории о привидениях, но все книги, которые были на вилле, были откровенно плохими. И молодые люди решили, что надо самим что-нибудь написать. Страшные истории. Чтобы развлечь друг друга.

– Как на «Круглом столе в „Алгонкине“? – спрашивает Леди Бомж у бриллианта у себя на пальце.

Просто компания друзей, которые пытаются напугать друг друга.

– И что они написали? – говорит мисс Апчхи.

Эти заскучавшие люди из среднего класса, просто пытавшиеся убить время. Запертые все вместе в сыром летнем доме.

– Да так, ничего особенного, – говорит мистер Уиттиер. – Всего-навсего «Франкенштейна».

– И «Дракулу», – говорит миссис Кларк.

Сестра Виджиланте спускается по лестнице со второго

этажа. Проходит через холл, заглядывает под столы и за кресла.

– Он *там*, – говорит мистер Уиттиер, указывая размытым трясущимся пальцем на дверь в зрительный зал.

Леди Бомж смотрит туда же, на большую двойную дверь в зал, за которой скрылись и Мисс Америка, и шар для боулинга.

– Мы с мужем были мастерами по скуке, – говорит Леди Бомж и заставляет нас ждать: идет через холл – три, четыре, пять шагов, – чтобы вытащить нож из спинки кресла.

Держа нож в руках, она смотрит на лезвие, проверяет его пальцем, какое оно острое, и говорит:

– Уж я-то знаю, как заскучавшие богатые люди убивают время...

Врачебный консилиум

Стихи о Леди Бомж

– Для того чтобы ты исчез, – говорит Леди Бомж, – нужно не больше трех докторов.

Исчез до конца своих дней.

Леди Бомж на сцене. Ноги гладкие – без единого волоска.

Ресницы густо накрашены черной тушью.

Зубы отбелены до жемчужного блеска. Кожа выровнена массажем.

Бриллиант на кольце горит, как маяк.

Новый льняной костюм, претерпевший не одну примерку, подкройку, подшивку, подогнан до миллиметра исключительно под нее.

Она вся – живое воплощение неподвижности – сидит, даже не шелохнется, пока целый штат опытных специалистов занимается ею – и только ею, – за большие деньги.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Как вуаль на лице, сотканная из женщин в мехах. Легкое дуновение шелка.

Кадры сменяют друг друга: доспехи из золотых и платиновых украшений, предупреждающие сигналы.

Красные вспышки рубинов, канареечно-желтый отблеск сапфиров.

– Когда у тебя отец – гений, это невесело, – говорит Леди Бомж.

Или мать, или муж, или жена... спросите любого.

Из тех, кто богат.

Но всего-то и нужно, что трое врачей...

Врачебный консилиум по вопросу о принудительном лечении.

– По-настоящему неординарные люди, – говорит она, – по-настоящему счастливы только тогда, когда полностью посвящают себя своему занятию.

Если бы Томас Эдисон был жив.

Мадам Кюри, Альберт Эйнштейн.

Их жены, мужья, дочери и сыновья, не раздумывая, подписали бы все необходимые документы.

Незамедлительно.

– Чтобы защитить свой доход, – говорит Леди Бомж.

Нескончаемый поток денег, поступающий с гонораров и отчислений за использование изобретений и патентов.

Вуаль, сотканная из терапевтических процедур и сеансов маникюра, из благотворительных приемов и театральных лож, струится по разглаженной коже лица Леди Бомж.

Она говорит:

– И мой отец не исключение. Но все это делалось для его же блага.

– Он начал... чудить, – говорит она. – Встречался с молоденькой женщиной.

Прикрывал лысину волосяной накладкой.

Перестал делиться доходом с запатентованных им изданий.

Забросил работу.

Так что, после беседы с тремя докторами, он оказался там, где оказался.

Вместе с остальными гениальными изобретателями.

Под замком.

Без телефонов.

До конца своих дней.

Из-под вуали частых островов, коннозаводческих выставок и земельных аукционов Леди Бомж говорит:

– Правильно говорят: яблоко от яблони недалеко падает.

Она говорит:

– Каждый из нас – тоже гений.

Только каждый по-своему.

По трущобам

Рассказ Леди Бомж

Когда прекращаешь смотреть телевизор и читать газеты, самое тяжкое – пережить эту первую утреннюю чашку кофе. В первый час после сна очень хочется быть в курсе всего, что творится в мире. Но ее новое правило: никакого радио. Никакого телевизора. Никаких газет. Глухая завязка.

Покажите ей свеженький номер «Vogue», и миссис Кейс все равно не соблазнится.

Газеты приходят, но она просто выкидывает их в мусор. Даже не разворачивая. Мало ли, какой там может быть заголовков:

«Убийца продолжает охоту на бездомных»

Или: «Зверски убита очередная бомжиха»

Как правило, утром за завтраком миссис Кейс листает каталоги. Вот так закажешь однажды по телефону какую-нибудь чудо-подставку для обуви, и тебе до конца твоих дней будут слать каталоги: еженедельно, целые горы каталогов. Предметы домашнего обихода. Для дома и сада. Для экономии времени. Для экономии места. Всякие хитрые приспособления и технические новинки.

Там, где раньше стоял телевизор, на кухонной стойке, она поставила аквариум с ящерицей, которая меняет окраску

под цвет обстановки. Тут ты тоже нажимаешь на кнопку, чтобы включить лампу обогрева, но аквариум не сообщит тебе в новостях, что в городе застрелили еще одного забулдыгу, а тело сбросили в реку, и что это была пятнадцатая жертва охоты на местных бомжей, которых находят заколотыми, застреленными и сожженными; городские бездомные в панике, и, несмотря на недавнюю вспышку туберкулеза, чуть ли не дерутся за места в ночлежках – лишь бы не ночевать на улицах. Товарные вагоны уходящих из города поездов под завязку набиты бомжами. Защитники прав неимущих утверждают, что эти нападки на нищих инициированы городскими властями. Как бы ты ни ограждал себя от информации, все равно что-то просачивается. Достаточно просто пройти мимо газетного киоска. Или проехать в такси с включенным радио.

Покупаешь стеклянный аквариум, ставишь его вместо телевизора, и у тебя есть только ящерица – создание настолько тупое, что каждый раз, когда домработница передвигает в аквариуме камешек, эта зверюга считает, что очутилась в каком-то другом, незнакомом месте.

Это называется «спрятаться в кокон», когда мир сжимается для тебя до размеров квартиры.

Мистер и миссис Кейс – Пакер и Эвелин – они не всегда были такими. Раньше ни один дельфин, запутавшийся в рыболовных сетях, не мог умереть без того, чтобы они не бросались выписывать чек. Или устраивать благотворительную ве-

черинку. Банкет в память погибших, разорванных в клочья фугасами. Танцевальный вечер в помощь пострадавшим от тяжелых травм головы. Жертвам фибромиалгии. Булимии. Коктейль и тихий аукцион в пользу больных, страдающих синдромом повышенной раздражимости толстой кишки.

У каждого вечера была своя тема:

«Мир во всем мире»

Или: «В надежде на наше еще не рожденное будущее»

Представьте, что каждая ночь в вашей жизни – как выпускной бал. Только зал каждый вечер оформлен по-разному: живые цветы из Южной Америки и миллиарды мерцающих огоньков. Ледяные скульптуры, фонтан с шампанским, и музыканты во фраках играют что-нибудь из Коула Портера. Зал оформлен вполне соответствующим образом, чтобы принять отпрысков арабских королевских семей и чудо-мальчиков интернета. Всех этих людей, которые стремительно разбогатели на вложении капитала с риском. Людей, которые не задерживаются в одном месте дольше, чем нужно, чтобы заправить их личный самолет. Людей при полном отсутствии воображения, которые просто тыкают пальцем в каталог недвижимости и говорят:

– Хочу вот это.

На этих благотворительных мероприятиях в помощь детям, подвергающимся жестокому обращению, все гости передвигались на двух ногах и ели крем-брюле целыми, неразбитыми ртами с пластикой губ, накачанных теми же самыми

биосовместимыми наполнителями. Смотрели на те же часы «Картье»: одно и то же время в окружении одних и тех же бриллиантов. Одни и те же кольца от Гарри Уинстона облегли одинаково лебединые шейки, «выделки» хатха-йоги.

Все ездили на одинаковых «лексусах», только разных цветов.

Никого ничем было не удивить. Каждый вечер – это был роскошный и донельзя великосветский тупик. Глухая стена.

Лучшая подруга миссис Кейс, Элизабет Этбридж Фальтон Уэльс по прозвищу Инки, Чернилка, любила повторять, что у всего есть свое «самое лучшее», и это самое лучшее – всегда то же самое. Однажды Инки сказала:

– Когда каждый может позволить себе самое лучшее, это самое лучшее начинает казаться слегка... заурядным.

От прежнего высшего света уже ничего не осталось. Чем больше новоиспеченных медиабаронов появляется на балах и приемах, тем меньше там будет потомственной аристократии из старых железнодорожных магнатов и владельцев круизных лайнеров.

Инки всегда говорила, что отсутствие – теперь это новая разновидность присутствия.

И вот как-то раз, после очередного приема с коктейлем в поддержку жертв вооруженного насилия, Кейсы выходят на улицу. Пакер с Эвелин спускаются по ступенькам художественного музея – и там, как всегда, длинная очередь из ничтожеств в дорогих мехах, дожидającychся, пока мальчики со

стоянки не подгонят их автомобили. А тут же, поблизости, на автобусной остановке: на скамейке сидят двое. Пьяный бомж и бомжиха, которых все очень стараются не замечать.

И не обонять.

Эти двое: оба уже не молоды. Оба одеты в тряпье с помойки. Все швы разошлись, ткань в подтеках и пятнах затвердела от грязи. На бомжихе – теннисные туфли без шнурков. Ее настоящие волосы, грязные и свалявшиеся, выбиваются из-под парика из грубых искусственных пластиковых волос, серых и жестких, как металлическая мочалка.

На бомже – бурая вязаная шапка, натянутая до бровей. Он лапает свою подругу, запустив одну руку под пояс ее брюк, а вторую – под свитер. Бомжиха стонет и вся извивается под одеждой, облизывая приоткрытые губы.

Эта бомжиха: живот под задравшимся свитером – плоский и крепкий. Кожа – розовая и гладкая, как после долгих сеансов массажа.

Бомж: его мешковатые спортивные брюки топорщатся спереди от эрекции. В верхней точке этого возвышения темнеет пятнышко просочившейся влаги.

Пакер с Эвелин, наверное, единственные, кто наблюдает, как обжимаются эти двое. Мальчики со стоянки подгоняют машины и несутся обратно в гараж. Нувориши следят за движением секундной стрелки на своих бриллиантовых часах.

Алкаш тянет бомжиху вниз, прижимает ее лицо к бугорку у себя в штанах. Ее губы обхватывают влажное пятно, рас-

плывающее по ткани.

Губы бомжихи, говорит Эвелин Пакеру, она узнает эти губы.

Раздается тонкая тихая трель. И все, кто ждет в длинной очереди за машинами, сразу лезут в карманы роскошных шуб, чтобы проверить, не их ли это мобильник.

О Господи, говорит миссис Кейс. Она говорит Пакеру: эта бомжиха, которую тискает нищий пропойца, – кажется, это Инки. Элизабет Этбридж Фальтон Уэльпс.

Вновь раздается пронзительное *трррьнь*. Бомжиха тянется вниз и задирает штанину своих бежевых кримпленовых брюк. Нога под штаниной обмотана грязным эластичным бинтом. Не отнимая губ от промежности своего кавалера, она выуживает из-под бинта что-то маленькое и черное.

Снова – звонкое *трррьнь*.

Последнее, что Эвелин слышала про Инки: что та владеет каким-то журналом. Может быть, даже «Vogue». Она по полгода жила во Франции, обдумывая фасоны на следующий сезон. Сидела в первых рядах на миланских показах и делала репортажи о моде для какого-то кабельного канала. Стояла на красных ковровых дорожках и рассказывала о том, кто в чем был на последнем вручении «Оскара».

Эта бомжиха на автобусной остановке: она подносит черную штучку к уху, скрытому под серым пластиковым париком, что-то там нажимает и говорит:

– Алло?

Она отрывается от влажного вздутия в штанах бомжа и говорит:

– Ты записываешь? – Она говорит. – Цвет лайма – это теперь самый «писк». Новая разновидность розового.

Голос этой бомжихи, говорит миссис Кейс мужу – она узнает этот голос.

Она говорит:

– Инки?

Бомжиха сует телефон обратно под бинт у себя на ноге.

– А этот вониючий алкаш, – говорит Пакер, – президент «Global Airlines».

И тут бомжиха поднимает глаза и говорит:

– Маффи? Пакер? – Рука бомжа по-прежнему шарит у нее в брюках спереди. Она похлопывает по скамейке рядом с собой и говорит: – Какой приятный сюрприз.

Алкаш вынимает руку у нее из брюк. Пальцы влажно поблескивают в свете уличного фонаря. Он говорит:

– Пакер! Привет, старик.

Ну, конечно. Пакер всегда прав.

Бедность, говорит Инки, теперь это новая разновидность богатства. Анонимность – новая разновидность известности.

– Катиться вниз по общественной лестнице, – говорит Инки, – теперь это новая разновидность успеха.

Люди из высшего общества, говорит Инки, вот кто истинные бездомные. У нас может быть дюжина собственных домов – в разных городах, – но постоянного места жительства

у нас нет, потому что мы вечно мотаемся с места на место. Вся жизнь – сплошные реактивные перелеты.

Да, теперь ситуация проясняется. А то Пакер с Эвелин всегда узнают обо всем последними. Весь сезон они только и делали, что разъезжали по открытиям галерей, выставкам лошадей и аукционам, и недоумевали, куда подевалась великосветская «старая гвардия» – наверное, лечится в полном составе в клиниках для алкоголиков и наркоманов, или уходит после пластических операций.

Инки говорит:

– У кого-то – тележка из магазина, у кого-то – личный самолет «Gulfstream G550», но людьми движет тот же инстинкт. Не быть привязанным к одному месту. Всегда находиться в движении.

Сейчас, говорит она, если ты при деньгах, ты заседаешь в руководящем комитете оперного театра. Делаешь крупное денежное пожертвование – и тебе обеспечено место в правлении какого-нибудь музея.

Выписываешь чек – и ты уже знаменитость.

Тебя убивают в каком-нибудь модном фильме – и про тебя знают все.

Иными словами: ты связан по рукам и ногам.

Инки говорит:

– Когда ты никто – теперь это новая разновидность известности.

Алкаш из «Global Airlines»: у него в руках бутылка вина,

спрятанная в коричневый бумажный пакет. Это вино, объясняет он, смесь в равных пропорциях ополаскивателя для рта, сиропа от кашля и одеколона «Old Spice». Отпив по глоточку, все четверо идут гулять в темноте – в парк, куда ночью никто не ходит.

Что должно быть особенно привлекательно в запойном пьянстве: что каждый глоток – это решение, окончательное и бесповоротное. Ты пускаешься во все тяжкие, но все-таки контролируешь ситуацию. То же самое и с таблетками, успокоительными и обезболивающими. Каждая доза – это всегда первый шаг по какой-то дороге.

Инки говорит:

– Жизнь на публике – теперь это новая разновидность уединения.

Она говорит: даже если ты остановишься в самом роскошном «закрытом» отеле – из тех, где в ванной из белого мрамора висят белые банные халаты, а рядом с биде подрагивают трепетные орхидеи, – все равно есть вероятность, что за тобой наблюдает глазок скрытой камеры. Она говорит, что теперь для нормальных занятий сексом подходят только общественные места. На тротуаре. В подземке. Людям хочется подглядывать за другими, только когда они думают, что подсмотреть невозможно.

К тому же, говорит она, стиль жизни «шампанское с икрой» уже утратил свой шик. Сбежать слишком просто: на самолете отсюда до Рима – всего шесть часов. Мир сделал-

ся маленьким, выдохшимся, истощенным. Путешествия по миру – это просто еще один способ сдохнуть от скуки, только – в разных местах и гораздо быстрее. Скучный завтрак в Бали. Предсказуемый обед в Париже. Утомительный ужин в Нью-Йорке, а потом ты забываешься пьяным сном во время очередного минета в Лос-Анджелесе.

Слишком много «незабываемых» впечатлений, слишком близко одно к другому.

– Как в Музее Гетти, – говорит Инки.

– Намылить, смыть, повторить еще раз, – говорит алкаш из «Global Airlines».

В этом донельзя скучном новом мире сплошного верхнего среднего класса, говорит Инки, ты оценишь всю прелесть биде, только если полдня будешь *пи сать* на улице. Не мойся, пока не начнешь вонять, и обычный горячий душ станет, как будто поездка в Соному на предмет очистительных грязевых клизм.

– Воспринимай это как шербет бедности, – говорит Инки.

Славный маленький интервал нищеты, который помогает тебе не терять вкус к жизни.

– Присоединяйтесь, – говорит Инки. У нее вокруг рта размазан клейкий зеленый сироп от кашля, к нему липнут пряди ее пластикового парика. Она говорит: – В следующую пятницу, вечером.

Выглядеть плохо, говорит она, теперь это новая разновидность понятия «выглядеть хорошо».

Она говорит, что там соберутся все лучшие люди. Старая гвардия. Самые сливки общества. В десять вечера, под мостом, с западной стороны.

Мы не можем, говорит Эвелин. В среду вечером они с Пакером идут на благотворительный бал в помощь голодающим Латинской Америки. В четверг – на банкет в поддержку нуждающихся аборигенов. В пятницу вечером – на тихий аукцион в помощь несовершеннолетним работницам секс-индустрии. Все эти мероприятия, с их блестящими акриловыми трофеями, заставляют тебя пожалеть о тех днях, когда самым сильным страхом американцев был страх выступать перед публикой.

– Просто снимаешь номер в «Шератоне», – говорит Инки.

Эвелин, должно быть, морщит нос, потому что Инки говорит ей:

– Расслабься.

Она говорит:

– Понятно, что мы там *не останавливаемся*. В «Шератоне». Мы там только переодеваемся.

В пятницу, говорит Инки, в любое время после десяти вечера. Под мостом.

Пакер и Эвелин Кейсы. Самая главная их проблема: что надеть. Для мужчины все просто. Надеваешь обычные брюки и смокинг – наизнанку. Правый ботинок – на левую ногу, левый – на правую. Вот и все: вид совершенно убогий. И совершенно безумный.

– Безумие, – сказала бы Инки, – теперь это новая разновидность здорового ума.

В среду, после «голодного» бала, Пакер с Эвелин выходят из бального зала в отеле, и кто-то на улице распевает «О, Амхерст, храбрый Амхерст». Там, на улице Френсис Данлоп Колгейт Нельсон, она же Фризи, Завиток, дует из банки какой-то дешевый солодовый напиток в компании с Шустером Фрейзером по прозвищу Туфля и Вивером Пулманом, который Костяшка. Все трое сидят, закатав грязные брюки и опустив ноги в фонтан. Лифчик у Фризи надет поверх блузки.

Одеваться во что попало, говорит Инки, теперь это новая разновидность понятия «одеваться шикарно».

Дома Эвелин примеряет, наверное, дюжину мешков для мусора, зеленых и черных мешков для мусора, в каждый из которых можно впихать целую гору хлама, но в них она выглядит толстой. Чтобы выглядеть хорошо, она выбирает узкий белый пакет для кухонного мусора. В нем она выглядит почти элегантно. Облегающий наряд наподобие платьев с запахом от Дайен фон Фюрстенберг, с ярким, ярко-оранжевым аксессуаром – пояском из оплывшего электрического провода со штепсельной вилкой, болтающейся на конце.

В этом сезоне, говорит Инки, парики носят задом наперед. В моде разные туфли: на одной ноге – такая, на другой – другая. Берешь старое грязное одеяло, говорит она, вырезаешь в центре дырку для головы, надеваешь его, как пончо, – и ты готова для ночных развлекательных мероприятий

на улице.

В тот вечер, когда они снимают номер в «Шератоне», Эвелин берет с собой три чемодана тряпья. На всякий случай. Пожелтевшие, вытянутые лифчики. Свитера со свалевшимся ворсом. У нее с собой целая банка косметической глины для лица – чтобы запачкать их еще больше. Они с мужем выбираются из отеля по черной лестнице: четырнадцать пролетов до двери, что открывается в переулок, – и вот, они на свободе. Они – никто. Два анонима. Не обремененные ответственностью ни за что.

Никто не смотрит на них, не просит у них денег, не пытается им что-то продать.

Они шагают к мосту, они – невидимки. Надежно защищенные собственной бедностью.

Пакер немного прихрамывает: он надел правый ботинок на левую ногу, а левый – на правую, и ему неудобно. Эвелин открывает рот. И плюет на тротуар. Да, хорошая девочка, которую учили, что неприлично чесаться, где чешется, на людях, теперь плюется на улице. Пакер спотыкается, натывается на нее, и она хватается за руку. Он разворачивает ее к себе лицом, и они целуются – просто два влажных рта, и город вокруг исчезает.

В тот первый вечер на улице Инки приходит с потрескавшейся лакированной черной сумкой, в которой лежит что-то очень вонючее. Такой запах бывает на море, в жаркий день при отливе. Запах, говорит Инки, это новый антисоциаль-

ный символ. В сумке – картонная коробка, в каких в «Chez Heloise» упаковывают еду на вынос. В коробке – большой кусок рыбы размером с кулак.

– Красный берикс четырехдневной давности, – говорит Инки. – Если что, просто помашешь сумочкой. Если хочешь, чтобы от тебя держались подальше, запах – лучший телохранитель.

Вонь – новый способ защитить свое личное пространство. Устрашение посредством запаха.

К любому запаху можно привыкнуть, говорит Инки, даже к самому противному.

Она говорит:

– Ведь ты же привыкла к «Eternity» Кальвина Клейна?..

Инки с Эвелин отходят в сторонку, чтобы немного остыть от шумной вечеринки. Заворачивают за угол. Там, чуть дальше по улице, свита какой-то красотки, обряженной в мини-юбку, вываливается из лимузина. Худые, стройные люди с хедсетами, соединяющими рот и ухо. Каждый из них занят беседой с кем-то другим, кто сейчас далеко-далеко. Инки с Эвелин проходят мимо. Инки спотыкается, машет сумкой с протухшей рыбой, задевает ею рукава кожаных и меховых пальто. Телохранителей в темных костюмах. Личных секретарей в черной одежде от лучших модельных домов.

Свита сбивается в кучку, отходит подальше, все тихо стоят и закрывают носы и рты наманикюренными руками.

Инки, как ни в чем не бывало, идет вперед. Она говорит:

– Обожаю так делать.

Со всеми этими нуворишами, говорит Инки, пора менять правила. Она говорит:

– Бедность – теперь эта новая разновидность аристократии.

Впереди – небольшая толпа из миллионеров от интернета и арабских нефтяных шейхов. Стоят – курят у входа в художественную галерею. Инки говорит:

– Давай будем их доставать: просить денег...

Это – их отдых от жизни Пакера и Маффи Хадсон, генерального директора текстильной корпорации и наследницы табачной империи. Бегство на все выходные в безопасную зону.

Алкаш из «Global Airlines» – это, так на минуточку, Вебстер Баннерс, по прозвищу Скаут. Они с Инки и Маффи встречаются на улице Скини (Сквалыгу) и Фризи. Потом к ним присоединяются Пакер и Боутер. Потом – Туфля и Костяшка. Они все пьяные, играют в шарады. В какой-то момент Пакер выкрикивает:

– А тут есть кто-нибудь, под мостом, кто стоил бы *меньше* сорока миллионов долларов?

И, конечно, в ответ – только грохот машин, проезжающих по мосту.

Чуть позже они гуляют, толкая перед собой магазинные тележки, по какой-то *промышленной* зоне. Инки с Маффи идут впереди, с одной тележкой на двоих. Пакер и Скаут от-

стали. Инки говорит:

– Знаешь, раньше я думала, что хуже несчастной любви бывает только любовь счастливая... – Она говорит: – Я так безумно любила Скаута, еще со школы, но ты сама знаешь, как это бывает... сперва все волшебное, а потом начинаются сплошные разочарования.

На руках Инки и Маффи – перчатки без пальцев, чтобы было удобнее разбирать пустые жестянки. Инки говорит:

– Раньше я думала, что счастливый конец – это когда вовремя опускаешь занавес. Чтобы закончить в момент наивысшего счастья, потому что потом все опять будет плохо.

Эти люди, которые стремятся попасть в высшее общество, они постоянно переживают, что сделают что-то не так – боятся взять не ту вилку, впадают в панику, когда за обедом приносят чаши для омовения пальцев, – но у бездомных гораздо больше поводов для беспокойства. Ботулизм. Обморожение. И надо все время следить, чтобы случайно не выдать себя. Отбеленными зубами. Дуновением «Шанель № 5».

Тебя может выдать любая мелочь.

Они превратились в «великосветских бомжей-оборотней», как это называет Инки.

Она говорит:

– А теперь? Теперь я люблю Скаута. Люблю, как будто мы с ним не женаты. – Здесь, на улицах, они ощущают себя пионерами, начинающими новую жизнь в диком краю. Но вместо волков и медведей им следует опасаться, говорит Инки,

пожимая плечами, наркодилеров и стрельбы из проезжающих мимо машин.

– И все равно, это – лучшее, что есть у меня в жизни, – говорит она, – хотя я понимаю, что вечно так продолжаться не может.

Новый календарь общественной жизни уже заполняется под завязку. Все эти мероприятия «на дне». Вечер вторника занят: она собирается рыться на свалке вместе с Малявкой и Гепардом. Потом Пакер со Скаутом планируют выйти на сбор алюминиевых банок. А после этого они всей толпой отправляются в бесплатную клинику, где какой-нибудь молодой, темноглазый доктор с вампирским акцентом будет рассматривать их ноги.

Пакер говорит, что алюминиевая банка – это крюгерранд улиц.

Стоя на эстакаде, где машины съезжают с шоссе, Инки говорит:

– Думай об этом как о *Высокой концепции*. Представь, что снимаешь авторский документальный фильм для какого-нибудь телеканала.

На листе коричневого картона Инки пишет черным маркером: Мать-одиночка. Десять детей. Рак груди.

– Если все сделаешь правильно, – говорит она, – люди *сами* дадут тебе денег...

Маффи пишет: Инвалид, ветеран войны во Вьетнаме. Умираю от голода. Хочу добраться домой.

И Инки говорит:

– То, что надо. – Она говорит: – Прямо «Холодная гора». Это их маленький городской лагерь.

Место, где можно спрятаться у всех на виду.

Бомжей никто не замечает. Будь ты Джейн Фонда или Роберт Редфорд, но если ты бродишь по улицам среди бела дня с магазинной тележкой, одетый в три слоя грязных лохмотьев, и бормочешь себе под нос матерные слова, – тебя никто не заметит.

Этим можно заниматься всю жизнь. Скаут с Инки планируют встать в очередь на получение дешевой квартиры для неимущих. Им нравится высиживать длинные очереди в стоматологических клиниках, чтобы молодые и привлекательные студенты на практике бесплатно лечили им зубы. Они могли бы подать прошение на бесплатный метадон, а потом «дорости» и до героина. Образовательные курсы для взрослых. Жареные гамбургеры. Можно еще посещать автошколу и ходить в бесплатную прачечную, и так они постепенно пробьются в низший средний класс.

По вечерам Пакер с Эвелин обнимаются, лежа под мостом или на картонке, разложенной поверх исходящего паром люка горячего водопровода. Он шарит рукой у нее под одеждой и доводит ее до оргазма на глазах у прохожих. Эти двое, они никогда не любили друг друга так сильно, как любят теперь.

Но Инки права. Вечно так продолжаться не может. Конец наступает внезапно. Все происходит так быстро, что они по-

нимают, что произошло, только на следующий день, когда об этом уже написали в газетах.

Они спят у входа в какой-то склад. Так хорошо и уютно им не бывало еще нигде: ни в Банфффе, ни в Гонконге. Теперь их одеяла пахнут совсем одинаково. Их одежда – их тела – по ощущениям, это и есть настоящий дом. Спать в объятиях мужа – это не хуже, чем спать в двухэтажной квартире на Парк-авеню. Или на вилле на Крите.

Именно в эту ночь у обочины резко тормозит черный автомобиль: то есть сначала виляет в сторону, а потом тормозит и ударяется о бордюр, так что одно колесо даже выскакивает на тротуар. Фары, два круга яркого сияния, светят прямо на мистера и миссис Кейс, так что те просыпаются. Открывается задняя дверца, и из салона доносятся крики. Головой вперед, молотя руками-ногами в воздухе, с заднего сиденья вылетает голая девушка и падает на тротуар. Длинные черные волосы закрывают лицо. Девушка поднимается на четвереньки и пытается отползти прочь от машины.

Пакер с Эвелин лежат, зарывшись в свой домик из старых тряпок и сырых одеял. Голая девушка ползет прямо к ним.

У нее за спиной из открытой дверцы машины показывается нога в мужском черном ботинке. Нога встает на тротуар. Нога в черной брючине. Из машины выходит мужчина в черных кожаных перчатках. Девушка встает на ноги и истошно кричит. Кричит: пожалуйста. Помогите. Она стоит совсем близко, так что видны одно... два... три золотых колечка у

нее в ухо. Второе ухо – его просто нет.

Эта полоска, похожая на тоненькую косичку: на самом деле, это темная струйка крови, стекающая по шее. Там, где раньше было ухо, осталась лишь окровавленная дыра.

Девушка бросается к Кейсам, зарывшимся в одеяла, так что видны только глаза.

Девушка хватается за их тряпки, когда мужчина хватается ее за волосы и тащит обратно в машину. Она брыкается и скулит, не выпуская из рук одеяло. Одеяло сползает, и вот они: Пакер и Эвелин. Все еще сонные, моргают в ярком свете фар.

Мужчина их видел, наверняка. И тот, кто сидит за рулем, тоже видел.

Девушка кричит:

– Пожалуйста.

Она кричит:

– Запомните номер... – и ее втаскивают в машину. Дверца захлопывается, шины визжат. Автомобиль уезжает, оставив лишь пятна крови и следы черной резины на темном асфальте. В сточной канаве, среди смятых бумажных стаканчиков, лежит оторванное бледное ухо, то ли выпавшее, то ли выброшенное из машины во время схватки. В ухе поблескивают два золотых колечка.

Уже после завтрака в номере «Шератона» – омлет со склизкими грибами, английские булочки, чуть теплый кофе и остывший бекон, – им попадает эта газета. В разде-

ле местных новостей: похищена дочка владельца одной бразильской нефтяной компании. Там же ее фотография. Это та самая голая девушка с длинными темными волосами, которую они видели ночью, только на снимке она улыбается и держит в руках кубок с крошечным золотым теннисистом сверху.

В статье написано, что у полиции нет никаких зацепок.

И ни одного свидетеля.

Кейсы, конечно, могли бы сообщить, куда следует. Но они же не видели ничьих лиц. Они не видели номер машины. Они видели только девушку. И кровь. Пакер с Эвелин – реальной помощи от них никакой. Обратиться в полицию – значит, только унизить себя, и все. Уже можно представить себе заголовки в газетах:

«Пара из высшего общества разгуливает по трущобам в поисках острых ощущений»

Или: «Миллионеры играют в бедных».

И упаси Господи упомянуть Инки и Скаута, Скини, Туфлю и Костяшку.

Если Пакер с Эвелин выставят себя на посмешище, они все равно не спасут эту девушку. Их страдания не облегчат ее участи.

В газетах на следующей неделе: найдено тело похищенной девушки.

Но Инки не переживала. Бедным, оборванным, грязным бомжам нечего опасаться на улицах. Девушка, которую уби-

ли, — она была молодой. Чистенькой, симпатичной и очень богатой.

— Когда тебе нечего терять, — сказала Инки, — теперь это новая разновидность богатства.

А Пакер сказал:

— Намылить, смыть, повторить еще раз.

Нет, Инки не собиралась отказываться от своего счастья и возвращаться к унылой жизни богатой и знаменитой великосветской дамы. И Пакер все чаще и чаще выходил на улицу вместе с ней. Говорит: чтобы ее защищать. И вот как-то вечером, когда Эвелин была на благотворительном вечере в помощь больным раком толстой кишки, у нее зазвонил мобильный. Это Инки. На заднем плане слышны громкие вопли. Кричит мужчина. Голосом Пакера. Инки тяжело дышит в трубку. Она говорит:

— Маффи, пожалуйста. Маффи, нас кто-то преследует. — Она говорит: — Мы пытались звонить в полицию, но... — и тут все обрывается.

Как будто Инки вбежала в тоннель. В подземный переход. Заголовки в газетах на следующий день:

«Известный издатель и генеральный директор текстильной корпорации зверски зарезаны прямо на улице».

И теперь, почти каждое утро, она боится увидеть в газетах новые заголовки:

«Зверски убита бомжиха»

Или: «Убийца продолжает охоту на бездомных».

Где-то в городе, каждую ночь, черный автомобиль выезжает на поиски миссис Кейс, единственной свидетельницы преступления. Кто-то убивает бездомных на улицах: всех без разбору – потому что она может быть среди них. Всех, одетых в лохмотья и спящих под грудами одеял.

После этого Эвелин и уходит в глухую завязку. Она не читает газет. Она выбрасывает телевизор и покупает стеклянный аквариум с ящерицей, которая меняет окраску под цвет обоев.

Сейчас миссис Кейс – полная противоположность бездомной бродяжки. У нее слишком много дома. Она буквально обременена домом. Погребена в своем доме. Она читает каталоги торговых фирм. Рассматривает глянцевые фотографии ухоженных садов. Бриллиант, сплавленный из кремированных останков любимого человека.

Конечно, ей не хватает друзей. И мужа. Но, как сказала бы Инки: отсутствие – теперь это новая разновидность присутствия.

Она по-прежнему покупает билеты на благотворительные мероприятия. Тихие аукционы и танцевальные вечера. Ей важно знать, что она что-то делает, чтобы мир стал чуточку лучше. Еще немного – и она начнет плавать с исчезающими серыми китами.

Спать на деревьях в сокращающихся тропических лесах. Фотографировать каких-нибудь вымирающих зебр. Бродить по трущобам от экологии.

Потому что это действительно важно: осознать ответственность. Ей по-прежнему хочется изменить мир.

В то лето на вилле Диодати, говорит миссис Кларк, собрались пятеро человек:

Поэт, лорд Байрон.

Перси Биши Шелли со своей любовницей, Мэри Годвин.

Сводная сестра Мэри, Джейн Клермон, беременная от Байрона.

И врач Байрона, Джон Полидори.

Мы слушаем, сидя у электрического камина в курительной комнате на втором этаже. В готической курительной комнате. Кто-то – в кресле, обтянутом желтой кожей. Кто-то – на низком диване, застеленном вязаным покрывалом, или на гобеленовом диванчике «на двоих», которые мы притащили сюда из других помещений. Их резные острые ножки оставили взъерошенные следы на пыльных, свалявшихся коврах.

Собрались все, кроме Леди Бомж, которая легла спать пораньше. И Мисс Америки, которая бродит по дому и ковыряется в замках.

Электрический камин – просто вращающийся светильник внутри емкости из склеенных вместе кусочков красного и желтого стекла. Просто свет без тепла. Все висячие деревья из хрусталя сейчас выключены, и красно-желтый свет пляшет на наших лицах; фигуры из красно-желтого света дви-

жуются по стенам и по выложенному каменной плиткой полу.

Эти пятеро, говорит миссис Кларк, умирали от скуки, вынужденные сидеть дома из-за непрекращающегося дождя. Шелли и компания. Они по очереди читали друг другу рассказы из немецкого сборника страшных историй под названием «Фантасмагориана».

– Лорд Байрон, – говорит миссис Кларк, – терпеть не мог эту книгу.

Байрон сказал, что у них в комнате собралось больше талантов, чем во всей этой книжонке. Сказал, что любой из них мог бы сочинить страшилку получше. И надо бы этим заняться. Каждому. Написать свой рассказ.

Это было почти за столетие до «Дракулы» Брема Стокера, но в то лето доктор Джон Полидори написал своего «Вампира», и так родилось наше современное представление о демонах, пьющих кровь.

В одну из дождливых ночей, когда над Женевским озером сверкали молнии и грохотал гром, восемнадцатилетней Мэри Годвин приснился сон, который впоследствии превратится в легенду о Франкенштейне. И оба чудовища станут основой для бесчисленных книг и фильмов.

Но и сами собравшиеся на вилле стали местной легендой. Владельцы отелей и пансионатов на берегах Женевского озера выставляли подзорные трубы у окон, выходящих на озеро, чтобы постояльцы могли наблюдать за тем, что все называли кровосмесительной оргией на вилле. Скучающие туристы из

среднего класса, они селили под крышей Байронского дома свои самые худшие страхи. На вилле собрались самые обыкновенные молодые люди, которым просто хотелось жить так, как хочется, не подчиняясь миллиону правил, навязанных им обществом, а отдыхающие подсматривали за ними в подзорные трубы, ожидая увидеть чудовищ.

А мы – современная вариация собрания на вилле Диодати.

Современная версия «Круглого стола в „Алгонкине“».

Просто люди, которые рассказывают друг другу истории.

Люди в поисках идеи, отголоски которой будут звучать до конца времен. В книгах, в фильмах, в пьесах и песнях, на телевидении, на футболках, в денежном эквиваленте.

В тот день в кофейне, когда мы впервые встретились лично, вокруг были все те же лица – только тогда нас было в три раза больше... почти толпа. Мы: те, кто прошел последний отбор. Уже тогда Графиня Предвидящая пришла в своей знаковой чалме. Герцог Вандальский, со своими светлыми волосами, собранными в хвост. Недостающее Звено, со своим длинным носом и нечесаной бородой.

Как сейчас люди болтают всякие небылицы о вилле Диодати, точно так же со временем станут болтать и о той кофейне. Люди, которые в глаза не видели объявления, будут божиться, что были там. Но им хватило ума не поехать на семинар. А то бы они сейчас были уже мертвы. Или очень богаты. Эта кофейня с ее стойкой с бесплатной прессой и доской

объявлений с пришпиленными визитками, предлагающими промывание кишечника и консультации по содержанию домашних животных – можно подумать, что это был многотысячный стадион, а не маленькая кофейня, а иначе там просто бы не поместились все люди, которые со временем начнут утверждать, что они были там в тот вечер.

Тот вечер станет легендой.

Мифом о Нас.

Обкуренные наркоманы, поэты, домохозяйки и мы, пившие кофе из бумажных стаканчиков. Мы стояли и слушали миссис Кларк. Кое-кто украдкой хихикал, глядя на ее выдающийся бюст и силиконово-пухлые губки. А когда кто-то спросил, а там есть телефон, в этом убежище для писателей, ну, чтобы им могли позвонить из «большого мира», миссис Кларк ответила, да. И назвала номер:

– 1-800-ОТЪЕ-БИСЬ.

После этого кое-кто сразу ушел.

В том смысле, что нет. Никаких телефонов, никаких контактов с внешним миром. Ни радио, ни телевизора, ни интернета. Только вы сами и то, что вы привезете с собой: что поместится в один чемодан.

Кто-то ушел после этого.

Эти люди, которые сразу ушли – уцелевшие на первом круге. Умные люди, которые расскажут свои собственные истории. Они – как камера, скрытая за камерой, скрытой за камерой, как сказал бы мистер Уиттиер. У них своя правда

– но только насчет того вечера.

Эти кретины, которые сами себя обманули.

Мы все видели объявление, просто каждый – по-своему.
На досках объявлений по всему городу:

Писательский семинар в полном уединении:

Оставь привычную жизнь на три месяца.

Просто исчезни. Отбрось все, что мешает тебе создать твой шедевр.

Дом, работу, семью, все свои обязательства – все, что тебя отвлекает, все, что не дает развернуться – отложи это все на *тримесяца*. Оно подождет. А ты пока поживешь среди единомышленников, в условиях, максимально благоприятных для погружения в творчество. Отбор на конкурсной основе. Всем, кто пройдет: питание и проживание бесплатно. Рискни тремя месяцами своей жизни ради шанса создать себе новое будущее в качестве профессионального поэта, прозаика, сценариста. Пока не поздно, воплоти свою мечту. Внимание: количество мест ограничено.

Объявление было отпечатано на маленькой карточке. Типа учетной. Типа карточки для рецептов. Текст помещался в рамке из пунктирной линии, как на отрывных купонах. А внизу – телефонный номер. Номер миссис Кларк, прищипленный к пробковой доске объявлений в вестибюле в библиотеке. Рядом с общественным туалетом в супермаркете. В прачечной-автомате. Это объявление на маленькой карточке, одну неделю оно было повсюду. А уже в следующую –

пропало.

Все карточки разом исчезли.

Люди, которые видели объявление: если они звонили по указанному там номеру, то попадали на автоответчик. Голосом миссис Кларк им сообщали, где и когда будет встреча. В такой-то кофейне, в такое-то время, в такой-то день.

Сидя в желто-красном мерцании искусственного камина, мы уже представляли себе, как все будет: как мы станем рассказывать людям, что мы решили устроить себе маленькое приключение, и попали в заложники к сумасшедшему старику, который держал нас три месяца взаперти, в старом заброшенном театре. Мы уже усугубляем, сгущаем краски. Чтобы все было уже совсем плохо. Мы скажем, что тут у нас был жуткий холод. И водопровод был отключен. И еды было мало, так что нам приходилось ее нормировать.

Все это неправда, но так история получится лучше. Да, мы намеренно исказим правду. Раздуем из мухи слона. Для пущего эффекта.

Мы сотворим свою собственную кровосмесительную оргию с участием людей и животных, чтобы о нас говорили все.

Когда мы будем рассказывать о гримерке за сценой, мы наделим ее ядовитыми пауками. Голодными крысами. Здесь у нас будет не только шерсть кота Кору Рейнольдс, которой облеплено все, что можно.

Привидение. Мы поселим здесь призрак, чтобы закрутить сюжет. Не забудем и про спецэффекты. О, мы сами будем как

призраки в этом огромном доме с привидениями, мы набьем его под завязку потерянными душами.

Мы превратим нашу жизнь в по-настоящему жуткое приключение. В страшный рассказ «из жизни» со счастливым концом. В испытание, в котором мы все-таки выживем, чтобы рассказать об этом другим.

Нам всем хочется большего. Всем, кроме Леди Бомж с ее горсткой праха, оставшейся от покойного мужа. И Мисс Америки с ее утробным плодом, который растет наподобие снежного кома, клетка за клеткой у нее внутри. И Мисс Апчхи с ее аллергией на плесень. Нам всем хотелось еще больше боли, еще больших мучений. Чтобы потом было, о чем говорить на телевизионных ток-шоу на центральных каналах. О которых рассказывала Мисс Америка. Даже если мы никогда не родим ни одной более или менее пристойной мысли, если мы никогда не напишем свой шедевральный роман, этих трех месяцев все равно хватит на целую книгу воспоминаний. На сценарий для фильма. На всю оставшуюся жизнь. И можно будет вообще не работать. А просто быть знаменитостью.

Это будет история, которую можно продать.

И сейчас, сидя у стеклянного очага, мы мысленно отмечаем детали, которые нужно запомнить, чтобы потом воссоздать эту сцену на съемках фильма, который, конечно, пойдет по центральному телевидению. Чтобы консультировать режиссера прямо на съемочной площадке – чтобы кино по-

лучилось «аутентичным». История о том, как нас похитили и держали в заложниках, и с каждым днем Мисс Апчхи становилось все хуже, а в животе Мисс Америки рос ребенок.

Никто не скажет от этом вслух, но смерть Мисс Апчхи стала бы замечательной кульминацией в третьем акте. Наиболее мрачным моментом во всем сценарии.

Вот вариант идеальной концовки: срок аренды закончился, и домовладелец идет сюда, и как раз успевает спасти обессиленную Мисс Америку. И спятившую Леди Бомж. Мы выйдем, прихрамывая, на улицу. Плача и щурясь на солнечный свет. Те немногие, кто еще сможет ходить. Остальных вынесут на носилках, погрузят в «скорую» и повезут в больницу под рев сирены. В фильме можно будет перескочить чуть вперед и показать, как мы все стоим у постели умирающей Мисс Америки. А потом показать нас на похоронах Мисс Апчхи. Бедная-бедная Мисс Апчхи, принесенная в жертву, чтобы оживить сюжет. Еще один призрак.

Камера Агента Краснобая обеспечит нас документальными видеоматериалами. Для озвучки можно будет использовать аудиозаписи Графа Клеветника.

А потом – завершающий штрих – Мисс Америка назовет своего ребенка «Мисс Апчхи», или как там ее настоящее имя. Это будет символично. Жизнь продолжается, и все такое. Бедная, хворающая Мисс Апчхи.

В нашей истории для фильма, книг и футболок мы все очень любим Мисс Апчхи... мы восхищаемся ее муже-

ством... ее солнечным юмором.

Тяжкий вздох.

Нет, если только кто-нибудь из нас не родит новенького Франкенштейна или Дракулу, наша собственная история — чтобы она продавалась — должна быть значительно драматичнее. Пока все не закончилось, надо, чтобы все было плохо, то есть так, чтобы уже хуже некуда.

Лучше не парить себе мозги и сразу оставить идею создать что-то оригинальное. Какой смысл измышлять очередную фантазию в манере «давайте представим себе...». Денег за это не выручишь, а если и выручишь, то их явно не хватит, чтобы оправдать затраченные усилия.

Тем более если их разделить на семнадцать частей. Авторские гонорары и отчисления в процентах. Ну, на шестнадцать частей, за вычетом обреченной Мисс Апчхи.

Мы все молчим, но мысленно побуждаем ее: *Давай кашляй.*

Давай умирай уже, побыстрее.

Нет, когда все расходились после той встречи в кофейне, мы были самыми умными. Да, мы понимали, что это выглядит как рискованная и безумная авантюра, которая обязательно обернется крупными неприятностями, но, с другой стороны... *это выглядело как рискованная и безумная авантюра, которая может обернуться большими деньгами.*

Мы все сидим молча, но мысленно приказываем Мисс Апчхи: *Кашляй.*

Нам нужна ее помощь, нам всем хочется стать знаменитыми.

Вот почему Преподобный Безбожник испортил электропроводку пожарной сигнализации. В первый же час нашего пребывания в этом доме. Во всяком случае, так он сказал Хваткому Свату. Он был электромонтером в армии и разбирается в проводах. А Недостающее Звено ему помогал: держал фонарик. Плюс к тому, они прошлись по всем телефонным линиям. Работала единственная розетка. Недостающее Звено вырвал ее из стены – голыми, а вернее, волосатыми руками.

Вот почему Графиня Предвидящая запихала во все замки отломанные зубцы пластиковых вилок. Теперь их уже не откроешь ключом. На тот случай, если ее отследят по браслету с датчиком. Нет, нам не нужно, чтобы нас спасали – пока не нужно.

У нас у каждого есть свои тайны. Сцены, которые не войдут в фильм. Все это будет смотреться делишками мистера Уиттиера. Злобного садиста мистера Уиттиера.

Мы уже формируем команду против команды мистера Уиттиера и миссис Кларк.

Мисс Америка и Мисс Апчхи уже превратились в кульминационные точки сюжета. Обреченные. Наши намеченные жертвы.

В дрожащих красных и желтых отблесках электрического камина, на фоне резных деревянных панелей в готической

курительной комнате, утопая в огромном кожаном кресле, сидит миссис Кларк. Ее подбородок клонится все ниже и ниже, и почти утыкается в ложбинку между грудей. Она спрашивает: а Сестра Виджиланте нашла свой шар для боулинга?

И Сестра Виджиланте трясет головой: нет, не нашла. Она стучит пальцем по циферблату часов у себя на руке и говорит:

– Гражданские сумерки наступают через 45... 44 минуты.

Мисс Апчхи кашляет – долгим, раскатистым, мокрым, насадным кашлем, – и все, что мы можем сделать, это воздержаться от одобрительных возгласов. Она лезет в карман за таблеткой, за капсулой, но когда вынимает руку, в руке ничего нет.

Сестра Виджиланте встает, извиняется и идет вниз, в фойе. К себе в комнату. Шаг за шагом, она исчезает, уменьшается в росте, пока мы не теряем из виду ее макушку, пока ее черные волосы окончательно не растворяются в темноте.

Наша Мисс Америка где-то ходит, стоит на коленях перед какой-нибудь дверью, ковыряет замок. Или дергает рычажок пожарной сигнализации, которая, как мы знаем, уже не работает.

Стараниями Преподобного Безбожника.

На диктофоне Графа Клеветника горит красная лампочка. Агент Краснобай переносит свою видеокамеру к другому глазу.

А потом снизу доносится крик. Протяжный, жалобный

воплъ. Голос Сестры Виджиланте. Она кричит, чтобы мы все шли туда, вниз. Она обо что-то споткнулась.

Леди Бомж. Новое пятно. В одной руке – нож. Вокруг нее – озерцо ее собственной крови впитывается в синий ковер.

Тонкая длинная прядка темных волос, как будто скрученных в косичку, вьется с одной стороны лица и исчезает под воротником ее меховой шубки. Но на последней ступеньке, когда мы видим ее в натуральную величину, эта косичка из темных волос превращается в струйку крови. Под безупречной скульптурной прической, с той стороны, где кровь – у нее нет уха. Она лежит на ковре и протягивает нам руку с чем-то красным и розовым, похожим на развороченную устрицу, в центре которой сверкает жемчужная сережка, ловя отблески света искусственного камина. И тут же, рядом с розовым ухом, у нее на ладони поблескивает бриллиант. Ее покойный муж.

Мы застыли на лестнице, смотрим. Леди Бомж улыбается нам. Ее голова перекачивается на бок. Она смотрит на нас снизу вверх и говорит:

– Я истекаю кровью... ее так много... – За ее бледным лицом и руками, струйка крови, кажется, тянется в бесконечность. Пальцы разжимаются, нож выпадает на ковер. Она говорит: – Теперь, мистер Уиттиер, вы должны отпустить меня домой...

Пихая локтем Графа Клеветника, Товарищ Злыдня говорит:

– Что я тебе говорила? Смотри. – Она указывает кивком на верхнюю точку кровавой косички и говорит: – Видишь шрам от подтяжки лица?

И Леди Бомж – мертва. Сестра Виджиланте объявляет об этом. Держа палец у нее на шее. Палец испачкан в крови.

В это мгновение наше будущее обретает определенность. Теперь мы себя обеспечили на всю жизнь: мы будем рассказывать людям, как стали свидетелями смерти невинного существа, доведенного до самоубийства. И плюс к тому можно добавить историю об уличных приключениях Леди Бомж. О трагической гибели ее мужа. О похищенной дочке бразильского нефтяного магната. Вымышленные чудовища идут в жопу. Всего-то и нужно: оглядеться по сторонам. Обратить внимание.

Агент Краснобай перематывает кассету у себя в камере и просматривает кусок, как Леди Бомж рассказывает на сцене свою историю. Снова и снова.

Наша кукла в кукольном театре. Наше сюжетное событие. Граф Клеветник перематывает кассету у себя в диктофоне, и мы опять слышим крики Сестры Виджиланте. Снова и снова.

Наш говорящий попугай.

И в красных с желтым отблесках стеклянного пламени мистер Уиттиер говорит:

– Ну вот, началось...

– Мистер Уиттиер? – говорит миссис Кларк.

Мистер Уиттиер, наш главный злодей, наш хозяин, наш дьявол, которого мы обожаем за то, что он нас истязает, – мистер Уиттиер вздыхает. Смотрит на мертвое тело Леди Бомж. Подносит дрожащую, трепещущую, трясущуюся руку ко рту и зевает.

Глядя на мертвое тело, Директриса Отказ гладит кота у себя на руках. Рыжая с подпалинами кошачья шерсть носится в воздухе и оседает на все, что можно.

Обмороженная баронесса и Графиня Предвидящая опускаются на колени рядом с бездыханным телом. Они не плачут, но глаза у обеих распахнуты так широко, что белки видны снизу и сверху от радужки. Так смотрят на выигрышный лотерейный билет.

Глядя на тело, Святой Без-Кишок поглощает холодные спагетти из серебряного пакета. Кошачья шерсть – в каждой ложке, сочащейся красным.

Это мы – мы против нас, против самих себя на ближайшие три месяца.

Мистер Уиттиер наблюдает с верхней площадки лестницы, сидя в своем инвалидном кресле. Рядом с ним Граф Клеветник что-то пишет в своем блокноте.

Мистер Уиттиер тычет в него пальцем в старческих пятнах и говорит:

– Ты все это записываешь?

Граф кивает, не отрываясь от своей версии правды: ага.

– Тогда давай Расскажи нам историю, – говорит мистер

Уиттиер. – Вернемся к камину, – говорит он, подергав дрожащей рукой. – Пожалуйста.

И Граф Клеветник улыбается. Переворачивает страницу, надевает на ручку колпачок. Поднимает глаза, говорит:

– Кто-нибудь помнит старый телесериал, «Дэнни, который живет по соседству»? – Он говорит очень медленно, низким раскатистым голосом. – Как-то раз... – говорит он, – как-то раз моя собака сожрала какую-то гадость, завернутую в алюминиевую фольгу...

Коммерческая тайна

Стихи о Графе Клеветнике

– Эти люди в очереди за билетами, – говорит граф, – за неделю до премьеры нового фильма...

Им платят за то, что они стоят в очереди.

Граф Клеветник на сцене – держит перед собой лист бумаги в вытянутой руке.

Неисписанный чистый лист закрывает лицо.

Видны только синий костюм, красный галстук. Коричневые ботинки.

На запястье – золотые часы с гравировкой – «Прими поздравления».

На сцене вместо луча прожектора, вместо лица, На листочке бумаги – крупным шрифтом проекция газетного заголовка:

«Репортер местной газеты получает Пулитцеровскую премию»

Из-за проекции заголовка граф говорит:

– Эти люди всю жизнь проводят в очередях.

Живут от премьеры к премьере, от одного блокбастера до другого.

Этих якобы рьяных фанатов-подростков возят из города в город на студийных автобусах.

Отсматривать фильмы: от научной фантастики до фантазий про супергероев.

Каждую неделю: новый город, новый мотель, новый фильм с возрастными ограничениями до 13 лет, от которого они якобы без ума.

Эти наряды из фольги и картона – такая явная, трогательная кустарщина.

Их готовят художники по костюмам и заблаговременно отправляют по намеченному маршруту.

Все эти ухищрения нужны для того, чтобы обмануть местную прессу и телевидение: чтобы они сделали репортажи с места событий, обеспечили фильму бесплатную дополнительную рекламу и настроили потенциального зрителя, что эта картина будет иметь грандиозный успех.

Студия не зря тратит время и деньги.

Акции подобного рода принято называть «культивированием аудитории».

В нагрудном кармане рубашки мигает красный индикатор компактного диктофона, который фиксирует каждое слово.

И Граф задает вопрос:

– И кто из них больше дурак?

Репортер, который отказывается выдумывать смысл жизни?

Или читатель, который так хочет смысла?

И с готовностью принимает его от любого, кто потрудится облечь этот смысл в слова?

Граф Клеветник – голос из-за листа бумаги – говорит:

– У журналиста есть право...

...и он просто обязан уничтожать золотых тельцов, которых он сам же и помогает творить.

Лебединая песня

Рассказ Графа Клеветника

Как-то раз моя собака сожрала какую-то гадость, завернутую в алюминиевую фольгу, и пришлось выложить штуку баксов, чтобы сделать ей рентген. У нас на заднем дворе все завалено мусором и битым стеклом. Лужицы антифриза на автостоянке – отравы для собак и кошек.

Ветеринар, даже при том, что весь лысый, все равно очень похож на одного моего старого друга. На мальчишку, с которым мы вместе росли. Эта улыбка – я помню ее с детства. Эту ямочку на подбородке, и каждую веснушку у него на носу. Я их знаю. Эта щель между двумя передними зубами – он так классно через нее свистел.

Здесь и сейчас: он что-то колет моей собаке. Стоя у серебристого стального стола, в холодной комнате, отделанной белым кафелем, придерживая моего пса за шкуру, он что-то такое рассказывает о сердечных глистах.

Когда я листал телефонный справочник в поисках ветеринара, я был буквально ослепшим от слез, потому что боялся, что мой пес умрет. И все-таки я разобрал: Кеннет Уилкоккс, доктор ветеринарии. Мне почему-то понравилось это имя. Имя моего спасителя.

Сейчас, рассматривая уши моей собаки, он что-то такое

рассказывает о чумке. На нагрудном кармане его халата вышито: «Доктор Кен».

Даже звук его голоса – как эхо из прошлого. Я помню, как он выпевал: «С днем рождения тебя». И кричал: «Первый страйк!» – на бейсбольном поле.

Это он, мой старый друг. Только, конечно, он вырос и изменился. Под глазами – мешки и темные круги. Двойной подбородок. Желтые зубы. И голубые глаза уже не такие яркие, какими были когда-то. Он говорит:

– А она симпатичная.

Кто? – говорю.

– Ваша собака.

Я все смотрю на него, на его лысую голову и голубые глаза, и спрашиваю:

– А вы в какой школе учились?

Он называет какой-то колледж в Калифорнии. Я даже не знаю, что это за место. В первый раз слышу.

Когда я был маленьким, он тоже был маленьким. И мы выросли вместе. У него была собака по кличке Скип, Прыг-скок. Он все лето ходил босиком, целыми днями рыбачил и строил дома на деревьях. Я смотрю на него и как будто воочию вижу, как он лепит того замечательного, идеального снеговика, а его бабушка наблюдает за ним из окна кухни. Я говорю:

– Дэнни?

И он смеется.

На той же неделе я приношу редактору статью. Про него. Про то, как я совершенно случайно встретил маленького Кенни Уилкокса, который когда-то, сто лет назад, играл мальчика Дэнни в телесериале «Дэнни, который живет по соседству». Малыш Дэнни, с которым мы все росли вместе, теперь он стал ветеринаром. Живет в предместье, в собственном доме с участком. Постригает свою лужайку. Да, это он: лысый дядечка средних лет, располневший и всеми забытый.

Поблекшая звезда. Он вполне счастлив. У него собственный дом на две спальни. У него в уголках глаз – морщинки от смеха. Он принимает таблетки, чтобы регулировать уровень холестерина. Он признается, что после всех этих лет, когда он был центром внимания, сейчас ему чуточку одиноко. Но он все равно счастлив.

И что самое главное: доктор Кен согласился дать интервью. Для нашей газеты. Для раздела «Воскресные развлечения».

Мой редактор со скучающим видом ковыряется ручкой в ухе.

Он говорит, что читателям не нужна история про очаровательного и талантливого ребенка, который снимался на телевидении, сделал на этом большие деньги, а потом жил долго и счастливо, и до сих пор живет долго и счастливо.

Людам не нужен счастливый конец.

Людам хочется читать про Расти Хаммера, мальчика из «Освободи место для папы», который потом застрелился.

Или про Трента Льюмена, симпатичного малыша из «Нянюшки и профессора», который повесился на заборе у детской площадки. Про маленькую Анису Джонс, которая играла Баффи в «Делах семейных» – помните, она все время ходила в обнимку с куклой по имени миссис Бисли, – а потом проглотила убойную дозу барбитуратов. Пожалуй, самую крупную дозу за всю историю округа Лос-Анджелес.

Вот чего хочется людям. Того же, ради чего мы смотрим автогонки: а вдруг кто-нибудь разобьется. Не зря же немцы говорят: «Die reinste Freude ist die Schadenfreude». «Самая чистая радость – злорадство». И действительно: мы всегда радуемся, если с теми, кому мы завидуем, случается что-то плохое. Это самая чистая радость – и самая искренняя. Радость при виде дорогущего лимузина, повернувшего не в ту сторону на улице с односторонним движением.

Или когда Джея Смита, «Маленького шалопая» по прозвищу Мизинчик, находят мертвого, с множеством ножевых ран, в пустыне под Лас-Вегасом.

Или когда Дана Плато, девочка из «Других ласк», попадает под арест, снимается голой для «Плейбоя» и умирает, наевшись снотворного.

Люди стоят в очередях в супермаркетах, собирают купоны на скидки, стареют. И чтобы они покупали газету, нужно печатать правильные материалы.

Большинству этих людей хочется прочитать о том, как Лени О'Грэди, симпатичную дочку из «Восьми достаточно»,

нашли мертвой в каком-то трейлере, с желудком, буквально набитом прозаком и викоудином. Нет трагедии, нет срыва, говорит мой редактор, нет и истории.

Счастливый Кенни Уилкоккс с морщинками от смеха продаваться не будет.

Редактор мне говорит:

– Дай мне Уилкоккса с детской порнографией в компьютере. Дай мне сколько-то трупов, закопанных у него под крыльцом. Вот тогда это будет история.

Редактор говорит:

– А еще лучше, дай мне все вышесказанное, и пусть он сам будет мертвым.

На следующей неделе моя собака напивается антифриза из лужи. Моего пса зовут Скип, в честь собаки из «Дэнни, который живет по соседству», собаки мальчика Дэнни. Мой Скип – белый с черными пятнами. И с красным ошейником, точно как в сериале.

Единственное спасение от антифриза – промывание желудка. Потом – ударная доза активированного угля. Капельница с этанолом. Чистый этиловый спирт, чтобы промыть почки. Чтобы спасти моего малыша, моего песика, нужно вкачать в него просто убойную дозу спиртяги. Это значит, что мне опять надо взять его к доктору Кену. И тот говорит: да, конечно. На следующей неделе он обязательно выберет время, чтобы дать мне интервью. Только он сразу предупреждает: у него не такая уж и интересная жизнь.

Я говорю ему: положитесь на меня. Что такое хорошая история? Когда ты берешь самые обыкновенные факты и подаешь их сочно и вкусно, почти сексапильно. Вы не волнуйтесь, говорю я ему. Ваша история – это моя работа.

Хорошая история мне сейчас не мешает. Я уже несколько лет работаю внештатным корреспондентом в разных изданиях. С тех пор, как меня с треском поперли из раздела кино и развлечений. Там очень даже неплохо платили, да и работа была приятственная: набираешь цитат под выход очередного шедевра, минут десять беседуешь с какой-нибудь кинозвездой, которую делишь еще с десятком журналистов, причем все они очень стараются не зевать от скуки.

Премьеры фильмов. Выпуски новых альбомов. Выходы книг. Не работа, а просто лафа. Но стоит раз написать что-то не то – и все, до свидания. Киностудия грозитя снять все свои акцидентные объявления, и – абракадабра – твое имя под публикацией исчезает, словно по волшебству.

Меня сгубила собственная честность. Один-единственный раз я попытался честно предупредить людей. Написал про одно кинцо, что на него денег тратить не стоит, а лучше потратить их на что-нибудь другое, и с тех пор я внесен в черный список. Один посредственный слэшер-ужастик и большие люди, за ним стоявшие – и теперь я слезно выпрашиваю, чтобы мне дали написать некролог. Придумать подпись под снимком. Все, что угодно.

Все – наглый обман. Вот ты напрягаешься, строишь кар-

точный домик, и вроде бы имеешь полное право его разрушить – но кто ж тебе даст? А ты все стараешься, создаешь иллюзии, творишь нечто из ничего. Превращаешь людей в кинозвезд. И ждешь этого сладкого мига, когда можно будет взмахнуть рукой и сломать карточный домик. Раскрыть читателям правду: что известный красавец-мужчина, любимец женщин, развлекается с хомьяками, которых запихивает себе в задницу. А соседская девочка ворует в магазинах и накачивается колесами. А богиня лупцует своих детей провололочной вешалкой.

Редактор прав. И Кен Уилкоккс тоже прав. Его жизнь – такая, как в интервью – продаваться не будет.

Я начинаю готовиться к интервью за неделю. Зарываюсь в интернет. Загружаю картинки с сайтов бывшего СССР. Там свои малолетние звезды экрана: российские школьники, еще без волос на лобке, отсасывают у оплывших жирных стариканов. Чешские девочки, у которых еще даже не начались месячные, совокупляются с обезьянами самым противоестественным способом. Все эти файлы умещаются на одном компакт-диске.

В другой день, ближе к ночи, я беру Скипа с собой и выхожу на рискованную прогулку по микрорайону. Возвращаюсь домой с карманами, набитыми целлофановыми пакетиками для сэндвичей и крошечными бумажными конвертиками. Квадратиками из сложенной фольги. Перкоданом. Оксикондином. Викодином. Стеклянными бутылечками с кр-

эком и героином.

Я записываю интервью на четырнадцать тысяч слов еще до того, как Кен Уилкокс говорит хоть слово. Еще до того, как мы садимся беседовать.

Но чтобы сохранить видимость, я беру диктофон. Беру блокнот и делаю вид, что записываю – высохшей ручкой. Выставляю на стол бутылку красного вина, «обогащенного» ви-кодином и прозаком.

Можно было бы предположить, что в его маленьком доме в предместье будет целый музей его детства. Стекло-ванные витрины, набитые пыльными трофеями, глянцевыми фотографиями, различного рода наградами. Но ничего этого нет. Все его деньги хранятся в банке, приносят доход. Его дом – просто коричневые ковры и покрашенные стены. Полосатые занавески на окнах. Розовая плитка в ванной.

Я наливаю ему вина и просто даю ему высказаться. Прошу сделать паузу, притворяюсь, что все аккуратно записываю.

И да, он прав. Его жизнь – это даже скучнее, чем летний ретроспективный показ древних, еще черно-белых фильмов.

С другой стороны, та история, которую я уже сделал, она замечательная. Моя версия – это подробное описание, как маленький Кенни скатился из-под звездного света прожекторов на стол для вскрытия в морге. Как он потерял невинность, ублажая продюсеров по списку – чтобы получить роль Дэнни. Как его сдавали «в аренду» спонсорам в качестве сексуальной игрушки. Он принимал наркотики, чтобы не тол-

стеть. Чтобы оттянуть начало полового созревания. Чтобы не спать по ночам, снимая эпизод за эпизодом. Никто, даже из близких друзей и родных, не знал, как он крепко подсел на наркотики. Никто не знал, как сильна в нем извращенная тяга быть в центре внимания. Даже после того, как закончилась его карьера на телевидении. Он и ветеринаром-то стал исключительно для того, чтобы иметь доступ к наркотикам и без помех заниматься сексом с мелкими животными.

Чем больше Кен Уилкоккс выпивает вина, тем настойчивее он говорит о том, что его жизнь началась уже после того, как перестали снимать «Дэнни, который живет по соседству». Восемь сезонов историй о маленьком Дэнни Брайте – воспоминания об этом не более реальны, чем воспоминания о младшей школе. Просто какие-то смутные эпизоды, никак не связанные между собой. Каждый день съемок, каждая реплика диалогов – это было, как билеты к экзамену. Учишь, сдаешь, а потом сразу же забываешь. Симпатичная ферма в Хатленде, Родном уголке, штат Айова – это были просто студийные декорации. Декоративный фасад. За окошками в кружевных занавесках была только грязь и окурки. Актриса, игравшая бабушку Робби, когда говорила, брызгала слюной. Стерилизованной слюной: почти чистым джином.

Попивая красное вино, Кен Уилкоккс говорит, что теперь в его жизни есть смысл. И это гораздо важнее. Лечить животных. Спасать собак. С каждым глотком его речь замедляется, распадается на отдельные слова, и паузы между слова-

ми становятся все длиннее и длиннее. Перед тем как глаза у него закрываются, он еще успевает спросить, как там Скип.

Скип, моя собака.

И я говорю: хорошо. У Скипа все замечательно.

И Кенни Уилкоккс говорит:

– Хорошо. Рад это слышать...

И он засыпает с улыбкой.

И когда я сую пистолет ему в рот, он спит все с той же счастливой улыбкой.

Но «счастье», оно никому не на пользу.

Пистолет ни на кого не зарегистрирован. У меня на руке перчатка. Пистолет у него во рту, его палец – на спусковом крючке. Маленький Кенни лежит на диване, голый. Его член густо намазан кулинарным жиром, в видеомэгнитофоне стоит кассета с записью его старого сериала. И самое главное: детская порнография на винте у него в компьютере. Стены в спальне оклеены распечатанными фотографиями детишек, которых сношают куда только можно.

Под кроватью – пакеты, набитые успокоительными таблетками. В кухне, в коробке для сахара – героин и крэк.

Теперь все изменится в одиночасье. Люди, которые обожали Кенни Уилкоккса, возненавидят его. Маленький Дэнни, который живет по соседству, превратится из кумира их детства в отвратительное чудовище.

В моей версии этого последнего вечера Кеннет Уилкоккс размахивал пистолетом, кричал, что его все забыли, что всем

на него наплевать; что его использовали, а потом выбросили за ненадобностью. Весь вечер он пил, и глотал колеса, и говорил, что ему не страшно умирать. В моей версии он покончил с собой сразу после того, как я уехал домой.

На следующей неделе я продал свою историю. Последнее интервью с бывшим «звездным мальчиком», которого обожали миллионы людей по всему миру. Интервью, взятое буквально за час до того, как сосед нашел его мертвым. В тот самый вечер, когда он покончил с собой.

Еще через неделю меня номинируют на Пулитцеровскую премию.

А еще через пару недель премию присуждают мне. Все-го-то две тысячи долларов, но настоящая награда – она в перспективе. Теперь я уже не ищу работу: я отказываюсь от многочисленных предложений, которые мне передает мой агент. Нет, я берусь только за самые интересные репортажи, по самым высоким расценкам. Главные материалы номера. В крупных, солидных журналах. В центральных изданиях.

Теперь мое имя означает Качество. Моя подпись под статьей означает Правда.

Загляните в мою телефонную книжку: там сплошь – имена, которые вы знаете по киноафишам. Рок-звезды. Известные авторы бестселлеров. Все, к чему я прикасаюсь, превращается в Славу. Именно так, с большой буквы. Я переезжаю из своей квартирки в собственный дом с огромным участком, чтобы Скипу было где бегать. У нас есть сад и бассейн.

Теннисный корт. Кабельное телевидение. Мы давно расплатились с клиникой за рентген и активированный уголь: тысяча с чем-то баксов.

По кабельным каналам до сих пор иногда показывают Дэнни, маленького мальчика, которым когда-то был Кеннет Уилкоккс – который насвистывал и играл в бейсбол, до того, как превратиться в чудовище с лицом, забрызганным слюной из джина. Маленький Дэнни идет босиком по Хатленду, штат Айова, а рядом бежит его пес. Этот призрак из прошлого, иной раз всплывающий на экранах, оживляет мою историю, создает контраст. Людям нравится моя правда про этого славного мальчугана, который казался таким счастливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.